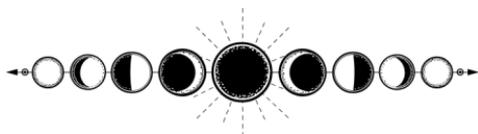

АНАСТАСИЯ ГОР

КОВЕН ОЗЕРА
ШАМПЛЕЙН

Москва

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрация на переплете *Дарьи Бобровой*
Дизайн обложки *Екатерины Тинмей*

Гор, Анастасия.

Г67 Ковен озера Шамплейн / Анастасия Гор. — Москва :
Эксмо, 2022. — 544 с.

ISBN 978-5-04-112010-8

Ковен — это община. Ковен — это семья. Одри Дефо было суждено встать во главе одной из таких семей, но ковен был уничтожен ее одержимым братом. Теперь Одри в бегах и использует магию только для безбедного выживания.

Но однажды на ее пути появляется Коул Гастингс — молодой детектив, страдающий аутизмом. Он видит то, что никому из смертных видеть не под силу. И чувствует связь между ритуальными убийствами в городе Бёрлингтон и историей Одри.

Коул клянется спасти девушку в обмен на помощь в расследовании. В конце концов, ковен — это семья, а что ещё создает новую семью, если не обещание?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гор А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-112010-8

ПРОЛОГ

Шалфей. Чай, солоноватый и приторный, с щепоткой кенийского перца — наполненные до краев пиалы, на сутки сместившие со стола кофе и традиционное какао со взбитыми сливками. *Лаванда.* Сиреневый бархат на дне ступки, высушенный и перемолотый, — щедрая почесть огню, шепчущему в камине. *Полынь.* Ароматное тление свежесрезанных стеблей, омывающее дымом углы и изголовья детских постелей. Духовная чистота пространства — синоним физической безопасности. По преданиям, ничто не отпугивало злых духов лучше, чем священные травы, которые моя семья проносила в подожженных вазочках через все комнаты дома накануне Имболка.

— Чем ты меня напоил?

Перечная мята, вьевшаяся в кашемир его свитера. *Гвоздика,* напоминающая о варящемся в котелке пряном вине и скором ужине, на котором обещали подать домашнюю утку с брусникой. *Дурман,* соком которого пропитались его рукава и пальцы, пока он сидел на чердаке пять часов кряду и готовил заклинание, до того безобразное, что оно извращало саму природу колдовства.

Беззвучная вспышка молнии за окном напомнила мне о бесчисленных ночах, проведенных вместе под овчинным покрывалом. Черно-белое кино на проекторе и подгоревший соленый попкорн. Сплетение рук и ног в самых надеж-

вожиться. Мы всегда предпочитали общество друг друга, давай снова посмотрим «Кошачий глаз» и закажем пиццу. Помнишь, в детстве мы мечтали, как однажды сбежим отсюда и создадим собственный ковен?..

Слюна во рту стала вязкой, и предчувствие беды перестало тихо скрестись в грудной клетке — теперь оно вопило.

— Что ты сделал?

— Где не будет никаких правил... — продолжал брат, не слушая.

— Джулиан... Что ты сделал?!

— Где мы будем только вдвоем.

Бессмысленные слова. Бессвязные мысли. Его кожа — болезненно горячая. Я исступленно заерзала, борясь с желанием сдаться... И с нарастающим гневом. Мой брат — сумасбродный, импульсивный — мог напугать кого угодно, но только не меня. Невзирая на его бред и снотворный настой, которым он меня напоил. Несмотря на тошнотворные поцелуи, хаотично сыплющиеся на мои ключицы... Он не был способен навредить ни мне, ни кому-либо другому. Не был...

Шалфей. Лаванда. Полынь.

Мята. Гвоздика. Дурман. Маттиола...

Железо, которым пропитался каждый сантиметр этого дома, раз и навсегда вытеснило из него все прочие запахи.

Джулиан ткнулся носом мне в шею.

— Ковен нас недостоин.

Моя рубашка задралась, и под ней я почувствовала его холодные руки, липкие и мокрые. Густая слизь пропитала хлопок, вызвав волну омерзения, еще более сильную, чем вызывали его поцелуи. Задержавшись и высвободившись из плена одеял и властных объятий, я перекатилась на другую сторону кровати и включила торшер.

— Что-то не так? — спросил Джулиан с бездушной улыбкой на рябиновых губах, подставляя под свечение ночника окровавленные руки. Его свитер был облеплен багровыми ошметками человеческой плоти. — Ах да. Ты слы-

шишь это? Именно так звучит тишина! Кто бы подумал, что цена пяти минут покоя в собственном доме окажется так несущественна. Шестеро Дефо. Четыре атташе. Пять семей. В сумме тридцать семь душ. Я похож на ту раковую опухоль, что убила нашу мать, только управился быстрее. «Верховная умерла — да здравствует Верховная!» Ты плакала, когда услышала это. «Ковен умер — да здравствует ковен!» Так звучит гораздо лучше. И плакать совсем не хочется, правда же?

Я распахнула глаза и, проглотив крик, резко села на подушках, убирая с лица включенные волосы, что приклеились к щекам от холодного пота.

— Надо уходить, — прошептала я и взгляделась в матовую темноту, которая простиралась до парадной двери и рассеивалась снаружи, уступая мерцанию садовых ламп.

Там, со следами от жесткого матраса и потекшей косметики на лице, босиком стояла Рэйчел. Мое пробуждение не стало для нее сюрпризом: передернув затвор карабина, она сдержанно кивнула. Зигзагообразные узоры татуировки, пересекающие ее шрамы под лямками майки, пульсировали огненным светом в такт моему сердцебиению.

— Да, я знаю, — тихо ответила Рэйчел. — Слишком поздно. Достань гримуар и спрячься. Он уже здесь.

Где-то вдоль аллеи мелькнула тень, затмевая свет ламп. В дверь постучали.

I НОВЫЙ ОРЛЕАН

«Н».

Я крепко зажмурилась, успев разглядеть следом «О» и «В», а затем все же пересилила себя и дочитала до конца.

«Новый Орлеан».

— Свиной чертополох! — выругалась я и, потупившись от осуждающего прищур многолетней мамы за соседним столиком, нечаянно смахнула локтем костяные кубики с рунами, вырезанными на каждой из граней.

Они рассыпались по бледной коралловой плитке, привлекая ко мне нежеланное внимание.

— Ладно, — истерически посмеиваясь, я с головой нырнула под стол, судорожно сгребая руны. — Простите меня. Сами знаете, как я психую, когда нервничаю, да к тому же эта простуда... Небесная карма, не иначе. Давайте поговорим по-хорошему, идет?

Я выковырнула ногтем последний кубик, закатившийся в выемку между стеной и поцарапанным стулом, и вернулась на место. Осторожно оглянувшись на посетителей кафе, я немного расслабилась: все были заняты изучением здешнего меню. Чувство тотального одиночества немного убавилось: кажется, в этом месте собралось немало безумцев, которых пресные вафли интересовали больше, чем происходящее за окном. А происходила там нехилая чертовщина: от ветра деревья пригибались к самой земле, на фоне этого обычное

штормовое предупреждение, переданное по радио, звучало наивно. Небо заволакивала темная туча, будто кто-то уронил на небосвод чернильную кляксу. Она уже расплзлась вширь так, что, прильнув горячим лбом к стеклу, я так и не смогла разглядеть ее края. Бесформенный черный хаос, проглотивший солнце и пытающийся разродиться дождем, — туча пульсировала, чего-то выжидая. Даря людям надежду успеть добраться до дома. И я разделила бы с ними это стремление, если бы только у меня тоже был дом.

Вместо этого я втянула голову в шарф и, уткнувшись в него заложенным носом, стала перебирать пальцами жемчужные бусы, успокаиваясь.

Я никогда не верила в сказки, как бы парадоксально это ни звучало из уст ведьмы, в чьем рюкзаке губная помада уживалась с гадальными картами, а проездной на метро прилип к свече с сердцевинкой из мыши. Жуткие, правдоподобные и темные, сказки братьев Гримм больше всего напоминали истинную магию, из которой испокон веков сплеталось наше существование. Волшебство в этой книге соседствовало с вкраплениями крови на страницах — волшебство граничило с тем же и в ковене. Именно поэтому у каждого из нас находилась любимая сказка братьев Гримм. Но если моя семья предпочитала «Гензель и Гретель» или «Милого Роланда», то Джулиан всегда выбирал сказку о двенадцати братьях — несчастных принцах, приговоренных к смерти после рождения их долгожданной сестры. *«И велел король выстругать двенадцать гробов для каждого из своих сыновей, коль понесет ему королева желанную дочь, которая унаследует все его королевство...»*

Я никогда не верила в сказки. Так почему же вдруг оказалась в одной из них?

— Еще раз, — вздохнула я и, прикрыв глаза, встряхнула пригоршню костей. — Ну же!

«Ты всегда должна быть там, где велят быть руны. Они молвят голосом духов, а духи всегда видят больше. Ведь

полная картина открывается только тем, кто смотрит на нее сверху».

Руны посыпались в небрежном броске, задевая пустые тарелки, а затем сошлись в старой треклятой вязи. Наутиз, Иса, Вуньо...

«Новый Орлеан».

— Да я уже два месяца здесь торчу, черт возьми! Значит, моя судьба — умереть, смотря на французский квартал?! — воскликнула я, откидываясь назад так, что ударилась затылком о спинку дивана. — Вы правда не понимаете, глупые костяшки?! Он уже близко! Джулиан придет за мной. Мне нужно знать, куда бежать дальше. Где будет безопасно? Что, неужели нигде?.. Вы принципиально меня не слушаете? Да, я не Рэйчел, которая могла договориться даже с табуреткой, но... Умоляю!

Я стиснула пальцы и стукнула кулаком по столу. Встряска подбросила кубики на несколько сантиметров, но, даже закрутившись в воздухе, они все равно приземлились так же.

— Новый Орлеан, — со вздохом прочитала я в сотый раз.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Всегда слушайся рун. Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри!»

Благо нарушать клятвы — моя коронная фишка.

— Прости, Рэйчел, но семейные традиции и ожидание чуда не спасут меня от смерти, — прошептала я и, стяхнув руны в мешочек, кинула его в сумку поверх носовых платков и дорожных карт. — Теперь моя судьба — исключительно моя личная прерогатива. И, пожалуй, я давно мечтала побывать в...

— Наличные или кредитка?

Я передернулась, поднимая взгляд на мужчину в фартуке и с проседью в волосах, который стоял прямо передо мной. Он смерил подозрительным взглядом сначала меня, а затем мои сумки, сложенные под стулом. Заметив, что

— Кредитку! — выпалила я, лишь услышав последнее слово, и быстро достала из рюкзака чью-то старую банковскую карту, давно заблокированную владельцем.

Официант облегченно выдохнул.

— Славно. Принесу терминал.

По коже побежали мурашки.

«Ад действительно пуст, сестренка. Я не оставил ни одного беса скучать в том унылом месте. Ты-то должна это знать, мы ведь оба оттуда родом».

Грудную клетку сдавило. Я схватилась за шарф, оттягивая его, будто дышать мне мешал он, а не голос брата в голове, который мне не доводилось слышать уже много лет. Я тревожно оглянулась, но, кроме многодетной семьи и еще нескольких зевак, в кафе уже никого не было. После пережитого Орлеаном урагана «Катрина» большинство жителей бежали домой при любом признаке непогоды. Мало кому могла понравиться мысль встретить потенциальную смерть в низкопробной забегаловке. Мне она не нравилась в том числе.

Пока официант отсоединял терминал, я бросила отчаянный взгляд на бурю за окном.

Выбор без выбора. Вот что это было.

— Кристиан, мы горим! Пожар!

Раньше это требовало больше времени и сосредоточия, но теперь — элементарный щелчок пальцами. Впрочем, раньше во мне и ярости было меньше. Теперь же она пылала, как самый высокий костер инквизиции, — точь-в-точь такой всколыхнул кухню кафе, когда я ударила ладонью по грязной поверхности стола и шепнула:

— *Fehu.*

Официант ахнул и, выронив терминал, бросился на помощь повару, на бегу хватая кувшин с ледяным лимонадом. Я же подняла рюкзак, закинула за спину футляр со скрипкой и незаметно покинула кафе, выбежав навстречу шторму.

«И великие обеты в огне страстей сгорают, как солома».

У меня перехватило дыхание от потока воздуха, ударившего в лицо, и я закуталась плотнее в шарф. Холод из-за надвигающегося дождя, странный в это время года, остудил меня. Ноги подкашивались от слабости. Но я быстро преодолела несколько улиц, стараясь не приближаться к раскачивающимся столбам, чтобы мое бегство не закончилось под одним из них. Пройдя еще квартал по пустому подземному переходу, я окончательно выбилась из сил и, выплевывая мокроту, скопившуюся в легких, сползла на асфальт по каменному ограждению.

Деньги. Мне нужны деньги. А затем транспорт и новый город, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Звучит легко, вот только сейчас я была не только слаба, чувствуя себя совершенно больной, но и одинока в худшем смысле этого слова. Одиночество для вора — приговор: десятки безлюдных скверов, а значит, и отсутствие тех, кого можно обокрасть.

— Штрудель. Штрудель. Сосредоточься... Дело. Начала дело. Штрудель потом. Я люблю гром. Я люблю гром... Нет, я ненавижу гром! Пожалуйста, тише!

Прошло почти полчаса, пока я пряталась за ограждением и вслушивалась в ругань ветра, когда мимо проскочил живой человек. Я приподнялась и, выглянув из-за уродливой горгульи, рассмотрела высокий силуэт — мужчина в бежевой куртке пересекал парк размашистыми шагами. В какой-то момент незнакомец остановился: тучи вновь взорвались, и он буквально осел, съежившись в комок и обхватив голову руками. Он заткнул уши и не двигался, пока все вокруг не смолкло, а затем выпрямился и, достав из кармана нечто круглое и бронзовое, похожее на компас или часы, невозмутимо продолжил свой путь.

Стараясь не кашлять, я двинулась следом.

— Голова раскалывается, — ворчал он, но я смогла разобрать лишь небольшую часть из его ворчания, держась на безопасной дистанции. — Пятая авеню, третий дом. Пятая авеню, третий дом...

То оказался юноша. Он шел и крутил в руках свой талисман. Видимо, это действовало на него успокаивающе, потому что при следующем раскате грома он только вздрогнул, но, справившись с дрожью, ускорил шаг. Дойдя до сквера, тянущегося вдоль берега реки, юноша остановился у скелета металлической конструкции, в обычное время представляющей палатку, где торговали каким-нибудь псевдомагическим барахлом из коллекции псевдожрицы вуду.

Новый Орлеан никогда не спал, но сегодняшней вечер стал исключением. Передо мной стоял единственный человек как минимум в целом районе, кто не бежал от бури. Он выглядел воодушевленно, постоянно оглядывался по сторонам и поправлял волосы, которые трепал ветер. Темные непослушные кудри — единственное, что я могла разглядеть с такого расстояния. Ищущий что-то и, возможно, сумасшедший, судя по тому полубреду, что доносил до меня ветер... Единственная потенциальная жертва, от кошелка которой зависела моя жизнь.

Дурить таких — проще, чем отобрать конфету у ребенка.

— Мы же договорились, что перенесем встречу на завтра! Не слышал, что передают по всем каналам? Тебе жизнь не мила?!

Я прильнула к стене, ограждающей мостовую, с любопытством наблюдая за темнокожим мужчиной, который вышел из тени церковного собора, опираясь на дубовую трость. Его шею охватывал гладкий стальной обруч, с которого свисали маленькие черепа грызунов. Я никогда не сталкивалась с представителями вуду, но внутреннее чутье подсказало, что, пожалуй, впервые за время своих скитаний я повстречала кого-то, с кем у меня бы нашлись общие темы для беседы. Это же чутье подсказало, что ссохшийся человеческий череп на рукояти его элегантной трости отнюдь не искусственный.

— Хорошо, я вышел проверить, не настолько ли ты кретин, что все равно припрешься, — рявкнул ведьмак, и юноша ответил что-то, чего я не расслышала, но это заставило ведьмака рассмеяться: — Так у тебя нет постановления? Никакого перевода в Новый Орлеан из Бёрлингтона? Проклятый лгун! Здесь ты просто турист. В Луизиане у тебя нет прав, так что не смей их качать. За этим рекомендую вернуться в Вермонт...

— Мне правда очень нужно знать, — взмолился юноша, беспокойно почесываясь и крепко сжимая в кулаке округлый предмет. — Это важно!

— Это то, что важно тебе. Нам — нет.

— Ритуалы, происходящие несанкционированно у вас перед носом, не могут быть чем-то неважным!

— С чего ты взял, что речь идет о ритуалах?

— Не притворяйтесь. Вы ведь видели вырезанные на них знаки. Эти увечья... Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы отличить зверскую бесчеловечность от сатанизма. Вдруг это не подражательство, а эпидемия, которая скоро распространится дальше, на соседние города? Неужели вам не жалко детей?

Молния разрезала черные тучи, из-за которых город погрузился в ночь раньше назначенного часа. Юноша вздрогнул и, прижав бронзовую вещь к груди, глубоко вдохнул разреженный воздух. Темнокожий колдун угрюмо раздумывал, постукивая тростью о землю.

— Боюсь, мне нечего тебе рассказать. Мы пребываем в таком же неведении. Лучше обратись к ведьмам Бёрлингтона.

— В нашем городе их нет.

— Одна да найдется. Ищи тщательнее. В крайнем случае попроси помощи у ковена Шамплейн. В конце концов, территория по периметру озера — их угодья. Им и разбираться с проблемами, которые на ней возникают.

— Шамп... Погодите, что? Озеро не относится ни к одному ковену, иначе я бы знал.

— Ах да... Сколько тебе было, когда этот ковен почти исчез? Лет восемнадцать? Вступительные экзамены, выпускной, подростковые угри... Совсем сопляк.

— Если он исчез, то как я попрошу у него помощи?

— Ты невнимателен, мой друг. Я сказал «почти» перед «исчез». Иногда одно крошечное слово меняет все.

Гром оглушил меня, как и услышанное. Я была готова поклониться, что темнокожий колдун в ожерелье повернулся и посмотрел прямо на меня. Я тут же юркнула назад за ограждение. От предчувствия разоблачения защемило под ложечкой, я влипла — так мухоловка ловит насекомое. Затем растение переваривает его и глотает, но колдун не спешил выдавать меня своему собеседнику. Возможно, мне просто померещилось. Или...

— Ковен Шамплейн, — повторил юноша задумчиво, смакуя название на языке. — Запомню. Что-то еще? Хотя что-нибудь?

Ведьмак хмыкнул и, немного помедлив, наклонился к нему. Я не расслышала, о чем он говорил, и даже не пыталась: каждый раз, стоило кому-то упомянуть мой дом, как я будто получала обухом по голове. В такие моменты все остальное уходило на задний план. Мысли спутались, как клубок ниток после кошачьих когтей.

«Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался».

Голос брата в голове — отрезвляющее напоминание, что необходимо взять себя в руки. Эти слова из любимой пьесы — его издевательство надо мной, приводящее в чувство. Шмыгая носом, я попыталась вспомнить хоть один из своих волшебных трюков, на которые бы мне хватило сил в таком состоянии. В отчаянье взглянув на мостовую, я вдруг увидела, что юноша и колдун прощаются.

Впрочем, разок сыграть по старинке иногда тоже приятно.

— Извините, господа, я переехала сюда всего пару недель назад из Лондона. До сих пор такая путаница с этими

газина, несколько раз ударив по замку отнюдь не волшебным булыжником и снеся дверную ручку.

В магазине было темно и сыро. Свет с улицы, задушенный тучами, почти не помогал. Однако я все же различила шкафы, забитые барахлом, которое покрывал толстый слой пыли. Запотевшие склянки, надколотая посуда, старые игрушки — мусор пестрил разнообразием. Выбрав несколько одеял, пахнувших смогом, я свалила их в кучу на полу и устало рухнула на них, включив прежде ночник, работающий на батарейках.

Заброшенная комиссионка, заросшая грязью, — совсем не то место, где я мечтала провести эту ночь. Но ослепительная вспышка, пробившись внутрь, убедила меня остаться. В небе будто протрубил божественный горн: оно наконец-то разверзлось, и дождь в мгновение ока затопил улицы и забарабанил по крыше. Я торжествовала: чем раньше пройдет пик шторма, тем скорее все уляжется. Спрятав замерзшие ладони под шарф, я довольно зауричала и повеселела, ощущая в кармане тяжесть: под моими пальцами теплела кожа толстого портмоне, внутри которого меня ожидал большой сюрприз.

— Две тысячи долларов наличными! — воскликнула я, опешив. — Да этот парень точно псих!

От восторга я зашлась кашлем, но замерла, почувствовав в собственном кармане что-то еще, похоже, прихваченное нечаянно. Рядом с портмоне я выложила на одеяло тот самый бронзовый талисман, который оказался отнюдь не часами или компасом. Я открыла простое расписанное минималистичными ромбами карманное зеркальце. В нем мое бледное изможденное лицо казалось еще ужаснее. Помада точно бы не помешала...

Детский ночник замигал и внезапно погас, погрузив меня во мрак на секунду, показавшуюся томительной вечностью. Декоративные свечи на полках вспыхнули вместо фонаря — и все вокруг всколыхнулось, включая загорев-

шийся камин в конце зала, из которого хлынули гарь и сажа, но никак не тепло и уют.

— Ты знала, что Новый Орлеан называют Парижем Нового Света?

Я подскочила.

Мой визг утонул в раскате грома. Ужас сковал меня, как и руки брата, которые протянулись из темноты. Он прижался ко мне сзади, и я вдруг поняла, что мой визг получился беззвучным: тиски ужаса сдавили горло. Испуганно онемев, забыв, как драться, двигаться, бежать, я застыла и почувствовала, как Джулиан ласково целует меня в щеку.

— Выглядишь великолепно, — шепнул он, накрутив на палец локон моих волос, которых хватило лишь на пару оборотов вокруг фаланги. — Состригла косу. Покрасилась... Тебе идет быть блондинкой.

Его плащ зашелестел. Мы стояли между шкапами на скомканных покрывалах, пока за окном, судя по звукам, взрывался мир. Джулиан медленно развернул меня к себе, и я едва сдержалась, чтобы не зажмуриться. Пламя свечей плясало на лице, похожем на вырезанную из гипса маску.

— Теперь мы ничуть не похожи, — выдохнул он огорченно, и вокруг серых глаз, отливающих сталью, образовались морщинки. — Жаль.

— Мы перестали быть похожи в тот момент, как ты убил всю нашу семью.

— Одри, не начинай... — простонал он.

— Ты ничуть не изменился. Хотя, нет... Постарел, — вырвалось у меня язвительно. — Выглядишь на тридцатник.

— Чем больше в тебе магии, тем сильнее она давит изнутри. Выглядеть старше — не такое уж тяжелое бремя в обмен на могущество.

— Ты сейчас себя назвал могущественным? Все, чего в тебе стало больше за эти годы, так это самомнения.

Джулиан ухмыльнулся, и ноги у меня сделались ват-

ными. Брат удержал меня и обнял крепче, заставляя прижаться вплотную. Отвратительно.

Я вздохнула, с болью в груди узнавая родной запах шалфея и лавандовых полей.

— Принцесса никогда не была виновата.

— Что? — нахмурился Джулиан.

— Сказка о двенадцати братьях, — прошептала я. — Твоя любимая. Только после... *всего* я поняла, почему она так тебе нравилась. Но принцесса никогда не была виновата, что король грезил о ее появлении на свет. Принцесса не была виновата в участии братьев и уж тем более в том, что родилась. Все, что случилось дальше, — исключительно вина короля.

— Верно, — внимательно выслушав меня, согласился Джулиан и большим пальцем провел по моей щеке, раскрасневшейся от предательских слез, которые магическим образом высохли сразу же, как брат их заметил. — Я никогда не винил принцессу.

— Разве?

— Никогда, — повторил Джулиан сдержанно.

— Тогда просто сверни мне шею, — попросила я. — Хоть раз прояви милосердие. Надеюсь, ты знаешь, что это такое. Мою магию тебе все равно не забрать.

— Что? — Джулиан скривился. — Погоди... Ты думаешь, я хочу тебя убить? — Я подняла голову, едва вынося его дыхание на своих губах, только чтобы посмотреть на него, а затем услышала: — Я не собираюсь причинять тебе вред. Глупая маленькая Верховная... Я пришел за тобой, чтобы *любить*.

Все внутри вспыхнуло и взбунтовалось, когда Джулиан поцеловал меня. Влажные холодные губы, сминающиеся мои — горячие и сухие, обветрившиеся на ветру. Меня скрутило в рвотном позыве, и перед глазами все поплыло.

— Да у тебя жар! — встрепенулся он и отстранился, чтобы придирчиво осмотреть меня с головы до ног, пока я безуспешно пыталась избавиться от съеденного недавно

брауни. — Захворала после того, как на спор искупалась в Миссисипи? Да, я следил за тобой. Если я не показываюсь — это не значит, что я не смотрю. Время игр в прятки давно прошло. Больше не убегай, ладно, сестренка?

Меня будто обожгло льдом, когда его ладонь скользнула мне под свитер и прильнула к голому животу, облегчая лихорадку, но превращая все остальное в кошмар. Я зажмурилась, пытаюсь терпеть. Шершавые пальцы медленно погладили шрам, который оставили кусты роз, где мы играли в детстве. Он ощупал каждую отметину, которая связывала меня с прошлой жизнью, и дотронулся даже до рубца четырехлетней давности на предплечье — память о той жертве, что оказалась слишком велика для меня даже во имя спасения.

— Ты мне не брат, Джулиан.

Его руки легли на мою грудь поверх бюстгальтера и задержались там.

— Зря ты так говоришь. Когда я стану великим, ты еще пожалеешь о своих словах...

— Великим? — фыркнула я. — Тебе никогда не стать Верховным, не то что великим! Хватит жить иллюзиями. Это невозможно!

— Каков восьмой дар? — спросил Джулиан задумчиво, обрушившись на меня всем своим весом и впечатав спиной в захламленные полки. — *Сотворение*. То есть написание заклинаний. Когда освоишь его, сможешь делать все, что заблагорассудится. Ты сможешь придумать новый порядок для наследования верховенства...

— Как я освою подобное?! Даже если бы и захотела, у меня нет никого, кто бы обучал меня! А благодаря тебе больше нет и гримуара, забыл? Многовековое наследие ковена стерто с лица земли по твоей милости!

— Для этого у тебя есть я, — улыбнулся Джулиан, приподнимая мой подбородок. — Я не тратил эти годы зря, в отличие от тебя. Я сам помогу тебе стать той, кто ты есть. Мы пройдем этот путь рука об руку, как нам и суждено.

— И не мечтай! Бесполезно. Заклинание для передачи верховенства создать нельзя, даже освоив все дары в совершенстве. Оно противоестественно и не сможет существовать в круговороте природы, — рыкнула я, уперевшись руками ему в грудь, будто опасаясь, что исчезни еще один сантиметр между нами — и мы сольемся воедино, в одно уродливое порочное существо.

— Сможет. Я работаю над этим, — мягко отозвался Джулиан, разминая замерзшие руки, которые достал из-под моего свитера, потом вынул из кармана перчатки и надел их. — А твоя задача — работать над собой. Всему свое время, маленькая Верховная.

Джулиан взмахнул рукавом плаща. Где-то поблизости закричал старый граммофон, и по магазину потекла сладкая мелодия в духе классического новоорлеанского джаза.

— «Торжественная музыка врачует рассудок, отуманенный безумьем. Он кипящий мозг твой исцелит... Встань здесь и знай, что ты во власти чар моих».

Брат улыбнулся и обнял меня, увлекая в танце, при этом, парализованная, я тянула его вниз, как якорь, но медленно я все-таки возвращала себе контроль над телом.

— «Надежды нет, — продолжила я тихо. — И в этом вся надежда».

Гром. Вспышка, заставившая серые глаза блеснуть серебром двух драгоценных монет. В этот миг я резко подалась назад и толкнула шкаф.

Коробки с вещами посыпались, лавиной обрушившись на нас обоих. Закрываясь от осколков статуэток, разбивающихся об пол, я вырвалась из хватки Джулиана. Он выругался, и мне на свитер потек воск свечей, которыми были уставлены полки. Огонь в камине рванул вперед, и в этот момент я не разобрала, чья злость вызвала такой бурный всплеск — моя или его. Прыгая по вспыхнувшему ковру, я схватила сумки и выкатилась из магазина.

Весь день буря назревала, как абсцесс, а теперь трещала, извергая все, что было накоплено. Моя одежда вмиг отяжелела, пропитавшись водой. Поскользнувшись и упав, я перекатилась на живот и быстро встала, подбирая вещи.

Джулиан неспешно вышел из-под навеса и остановился посреди лестницы, снисходительно глядя на меня с высоты своего мнимого пьедестала. За его спиной из-за заколоченных окнах летели искры.

— Поранилась? — сочувственно спросил он, кивая на мой окровавленный висок, и я зашипела от ярости, которой хватило бы на огненный смерч.

— Ты убил Рэйчел! — я перекричала даже гром. — Дебора. Ноа. Маркус. Чейз. Хлоя. Эмма. Ты убил всех наших братьев и сестер! Весь ковен, ублюдок!

Морщась, Джулиан слушал меня. Буравя его взглядом, я тщетно надеялась уловить в этих серых глазах хоть что-то помимо бархатной красоты, напоминающей дождевое небо в прохладный летний день. Темные, глубокие, спокойные. Абсолютное безразличие.

— *Laguz!*

Я скинула руку, и Джулиан поперхнулся, захлебываясь дождем. Угодив в рот, вода стянула изнутри его горло, а колени приклеила к ступеням.

— Три дара из восьми, но и те оставляют желать лучшего, — прохрипел он, бросив мимолетний взгляд на мои жемчужные бусы, выскочившие из-под шарфа. — Слабовато для Верховной. Если бы только ты тратила больше времени на практику и меньше — на кутеж и развлечения... Ну же, не расстраивай меня, Одри! Попробуй еще разок.

Магия. Она забирала все силы, и так истончившиеся от усталости и простуды. Колдовать в таком состоянии было равносильно попыткам катить огромный валун вверх по крутому склону. Я сдалась и, едва удержав равновесие, отпрянула назад от Джулиана, который, став свободным, отхаркивал воду.

Не дожидаясь, пока он придет в себя, я развернулась и побежала. Стараясь не оглядываться, я промчалась по улице и, рассекая лужи, перебежала через дорогу.

Порыв чужой магии — тягучей, бездонной и извращенной — вдруг выкорчевал иву и швырнул ее на дорогу, едва не раздавив меня. Ломая скрюченные ветви, под деревом чудом успел проскочить темно-синий джип. Визг колес смешался со звуками бури: машину занесло и, выжав тормоз на повороте, водитель все-таки справился с управлением. Я оцепенела, не веря в собственную удачу.

— Пожалуйста! — закричала я, тарабанила руками по капоту и стремительно огибая джип. — Подвезите меня! Мне нужна пом...

Дверца открылась, и я налетела на того юношу в бежевой куртке. Его вьющиеся взъерошенные волосы запомнились мне так же сильно, как въедается в ткань отбеливатель. Темные глаза, оказавшиеся на самом деле карими, почти ореховыми, гневно сощурились, а спустя секунду я оказалась прижата к земле, лежа в грязи с рюкзаком и скрипкой.

— Ты что, спятил?!

— Зеркало, — прорычал он, бесцеремонно заламывая мне руки. — Где. Мое. Зеркало?!

Я подавилась кашлем, мокрая, дрожащая и растерянная. Повернув голову и проведя по асфальту щекой, я краем глаза увидела тонкое лицо и вскрикнула, когда юноша с силой нажал на мои выкрученные запястья.

— Твою мать, ты мне сейчас руки сломаешь! Отпусти!

— Верни зеркало!

Не украденный портмоне и не деньги, нет. Его интересовало гребаное зеркальце?!

— В левом кармане. Забирай и отвали от меня, придурок!

Юноша вздрогнул и, замешкавшись, сунул руку в мою ветровку, прожженную искрами пожара. Достав вождеденное зеркало, он быстро спрятал его за пазуху, но меня не отпустил.

— Ты арестована.

— Что?

Он рывком поставил меня на ноги и движением плеча распахнул куртку. Прицепленный к нагрудному карману, под ней выразительно сверкнул полицейский значок.

— Детектив Коул Гастингс, полиция Бёрлингтона, штат Вермонт, — прочитала я, судорожно сглотнув, и робко заметила: — Но мы-то находимся в Новом Орлеане, детектив. Ваши действия неправомерны.

— Верно подмечено, — хмыкнул он, открывая передо мной заднюю дверцу джипа. — Именно поэтому я подброшу тебя в ближайший участок, а местной полиции прибавлю работенки. Пускай они тобой занимаются, воровка.

На моих запястьях что-то щелкнуло. Я раскрыла рот, заметив почему-то россыпь веснушек под тигриными глазами детектива — и меня втолкнули в машину. Швырнув следом мне в ноги перепачканный рюкзак и футляр, он остановился перед капотом джипа и, не обращая внимания на ливень, рассматривал свое драгоценное зеркало, проверяя его целостность. Хмурое лицо детектива разгладилось, когда он не обнаружил никаких повреждений; но, не торопясь возвращаться в машину, Гастингс смотрел куда-то. Очевидно, в сторону комиссионного магазина, откуда я бросилась ему под колеса. Повернувшись к нему спиной, детектив выставил перед собой зеркало. «Самое время полюбоваться на свою мордашку», — подумала я сердито, но спустя секунду он сел за руль, снова став таким же напряженным и настроженным, каким был до этого. Не говоря ни слова, детектив Гастингс поехал прочь от места нашей встречи и поваленного дерева.

Вместе с потерянным шансом, подаренным мне бурей, позади остался комиссионный магазин, утопая под ливнем.

II ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ

— Почему сейчас? — спросила я, играя с сакральным жемчугом из потайной шкатулки, баллады о котором жили в нашем ковене долгими поколениями.

Виктория улыбнулась, задвигая обратно свой столик с порошками, эфирными маслами и смолами драконового дерева.

— Просто так. Любая женщина, а уж тем более ведьма, грезит о дорогих побрякушках. В твоих же руках — настоящая родовая реликвия с многовековой историей. Наследная регалия нашего ковена. Тебе нравится?

Мое нерешительное мычание заставило маму вопросительно выгнуть бровь.

— Нравится, но... — я смутилась, пытаюсь совладать с магнетизмом перламутра и с трудом оторвав от жемчуга взгляд.

— Но что?

— Я больше люблю стекло.

— Стекло? — удивилась Виктория

— Да... Ну, такие стеклянные бусины, знаешь? Как те, что для меня сделал Джулиан.

Виктория ухмыльнулась.

— Честь подержать в руках Вестников даров выпадает лишь верховным ведьмам, Одри... Привыкай к этому. Они теперь твои.

которую ты так усердно прятала под алтарем в кабинете, все это время была пуста. Мама! Это же так...

— Нечестно и рискованно?

— Хитро и поразительно.

Виктория нежно улыбнулась, польщенная.

— Верховная никогда не расстается с тем, что ей по-настоящему дорого, Одри, — она положила шкатулку мне в руки и наклонилась, прижавшись губами к моему лбу. — Однажды и ты сделаешь из этого жемчуга чудесное ожерелье или брошь... А может, тоже захочешь обзавестись жемчужным гребнем. Разумеется, когда вернешь Вестникам их истинный вид.

Виктория со скрипом приоткрыла шкатулку. На дне, покрытом красным бархатом, зазвенело нечто темное и уже не такое красивое: там перекатывались круглые угольки, в которых было довольно сложно заподозрить тот самый жемчуг. От бывшего великолепия, чистого и слепящего, не осталось и следа. Жемчужины почернели.

— Всего их восемь. Одна жемчужина — один дар. Каждый из них тебе предстоит освоить. Надеюсь, ты помнишь: стихии, метаморфоз, психокинез, ментальность, прорицание, некромантия, исцеление, сотворение, — перечислила мама, и я закивала, внимательно слушая ее. — Черная жемчужина — невежество, белая — достигнутое мастерство. Они — материнское наставление, напоминающее о предназначении тебе пути.

Виктория закрыла шкатулку, лежащую на моей задевшей ладони, и отстранилась, повернувшись к шкафу так невозмутимо, будто совсем не замечала, какой волной удушьящего ужаса меня захлестнуло.

— Мне двенадцать, — хрипло напомнила я. — До начала подготовки ведь еще три года... Слишком рано.

— Твоя практика начнется с завтрашнего дня.

Кабинет матери был огромный, — с вытянутыми витражными окнами, книжными шкафами и гигантским ал-

Молчала я не столько из-за враждебности и обиды, сколько из-за того, что просто не находила сил ответить. Детектив Гастингс, чье имя в моем мозгу переплелось с лихорадочным бредом и матерными словами, повернулся вполоборота, неторопливо ведя машину вдоль затопленной дождем трассы.

— У тебя кровь идет.

Нахмурившись, я приложила пальцы к ноющему виску, не размыкая запястий, скованных наручниками. Подушечки пальцев слиплись, и, поднеся их к глазам, я увидела кровь, которую было так легко спутать с дождевой водой, текущей по лицу.

— Упала, — соврала я, и Коул хмыкнул, выказывая свой скептицизм. — Бордюр скользкий.

— А тот парень, от которого ты бежала, просто помогал тебе подняться, да?

Я дернулась. Слышать из чьих-то уст замечание о моем брате, после встречи с которым люди обычно либо просыпались мертвыми, либо, натолкнувшись на защитные чары, остаток дня не могли вспомнить даже алфавит, было чертовски жутко. Сохранить самообладание оказалось так же тяжело, как и не умереть сегодня.

— Сколько тебе лет? — продолжил расспрашивать Коул.

— Я совершеннолетняя, так что под уголовный кодекс подхожу, не переживай. Уверена, в участке мне обеспечат горячий прием.

— Уже доводилось там бывать?

— Нет. А что, я не похожа на законопослушную гражданку?

Коул свел на переносице брови и отвлекся от дороги, уставившись на меня так, будто пытался просканировать.

— Это был сарказм? — уточнил он с сомнением в голосе. — Иначе не понимаю, как ты всерьез можешь допустить вероятность, что я отвечу «нет» на твой вопрос после того, как обворовала меня посреди улицы.

отогревшееся тело, рассеяла мое сознание, словно ветер. Голова обмякла и повисла, ударяясь о дверцу.

— Воровка? Что с тобой?

Следом за вспышкой адреналина пришла истома. Я закрыла глаза и уже не увидела, что ткнулось мне в ладонь, влажное и похрюкивающее.

— Оставь ее в покое, Штрудель. Пускай поспит... Дай-ка сюда пальто.

Машина сбавила ход, но не затормозила. На секунду горячий лоб остудила чья-то ладонь, а затем пропитанные влагой свитер и джинсы почти перестали доставлять дискомфорт — что-то тяжелое и мягкое накрыло меня, и я отключилась.

— *А вот и твое какао, куколка.*

Я дернула рукой, вынырнув из омута вчерашнего дня, и едва не вышибла из рук полицейского дымящуюся кружку.

— Эй! Тише. Ты вся промокла, к тому же тебя лихорадило пару часов, так что держи, тебе не помешает.

Я взглянула на скуластое лицо пожилого офицера. Он кивнул на одеяло, которым я была укрыта, когда очнулась. Разгладив плотную ткань, я поняла, что это было вовсе не одеяло, а длинное мужское пальто в клубках кошачьей шерсти, в которое въелся терпкий запах выпечки, чабреца и стеклоочистителя. Это пальто я раньше никогда не видела.

— Детектив притащил тебя в этом. Явно не твой размерчик, да? Еще он попросил тебя накормить, так что, если захочешь, я поделюсь с тобой сэндвичем. Только учти, он с беконом!

Я прочистила горло, собираясь с мыслями.

— Детектив сказал что-нибудь еще перед тем, как уехать?

— Да, — ответил полицейский, и я напряглась, пока он не продолжил: — Рассказал, что подобрал тебя на шоссе. Ты была совсем плоха. Видимо, упала и ударилась. В такую погоду убиться — раз плюнуть! Он позаботился бы о тебе

сам, но ему надо было возвращаться домой. В Вермонт, кажется, — полицейский задумчиво поскреб седую щетину. — Пока дождь не утихнет, ты можешь остаться здесь и отоспаться. Утром попрошу отвезти тебя, куда скажешь...

— Спасибо, — выпалила я радостно и вскочила с койки. Офицер опешил, все еще держа кружку с какао. — Но мне уже лучше. Пожалуй, я пойду. Куда вы сложили мои вещи?

Мужская сердобольность при виде «барышни в беде» действительно не знает границ! От облегчения, что детектив Гастингс смиловался и оставил историю с воровством между нами, я ощутила такой прилив сил, что смогла бы сотворить минимум десять заклятий с ходу. Правда, длилось мое воодушевление недолго.

— Один нюанс, — усмехнулся офицер, когда я уже дернула решетку двери, но вдруг обнаружила, что та заперта. — Сначала объясни, откуда это в твоей сумке?

Я медленно повернулась и увидела, как офицер вываливает на скамканное пальто Коула мои фальшивые водительские права. В горле встал ком.

— Пытались отыскать твой сотовый телефон, чтобы позвонить близким, — пояснил офицер.

— Я не пользуюсь сотовым, — выдавила я уныло. — Слишком много излучения.

«И слишком много проблем».

— Луиза О'Келли, — прочитал он на одной из пластиковых карточек, пристально сверяя фото с моей побледневшей физиономией. — Из самого университета Лиги плюща, надо же! Или ты Стефани Митчелл из Южной Дакоты? Или Кристина Геро? Тебе все-таки двадцать, двадцать два или двадцать три? Хотя, нет, точно не двадцать три... Ты выглядишь очень юной. Тебе точно есть восемнадцать? Или мне связаться с твоими родителями? Из какой ты школы?

— У меня нет родителей. Мне двадцать лет, — честно призналась я, закатывая глаза, но тут же соврала снова: — Меня зовут Кейт.

— Ну да, так я и поверил. Встречал я уже таких... не-путевых! Сам найду, кто ты такая. Времени у нас вдоволь. В конце концов, подделка документов — это тянет побольше, чем на пятнадцать суток, согласна?

Я промолчала, терпя удары судьбы, стиснув зубы, и пропустила офицера к выходу. Он покинул камеру, оставив меня одну вместе с моим раздавленным самолюбием и насморком.

— Выпей какао, — заботливо посоветовал он напоследок, пряча ключи в нагрудный карман. — И благослови того паренька из Бёрлингтона, что спас тебя от бури, пускай даже такой ценой.

И я действительно выпила это злополучное какао, но благословлять Коула Гастингса не спешила. Вместо этого я мысленно прокляла его раза четыре, жалея, что под рукой нет булавки и куклы с прядью его злополучных кудрей. Сгорбившись на жесткой койке под длинным душистым пальто, я постаралась сосредоточиться на побеге.

— Смертные, — буркнула я себе под нос. — Теперь понимаю, почему моя бабушка каждый раз плевалась, вспоминая сентябрь 1787 года. Вовсе не ведьмы рождаются с дьяволом, а современная Конституция. Тьфу!

Я заглянула в замочную скважину, взвешивая свои силы, восстановившиеся после сна.

«Три дара из восьми — слишком скудно для Верховной. Не расстраивай меня, Одри».

Да что там, я расстраивала даже самую себя! Моя практика не была закончена и наполовину, и сейчас мне катастрофически не хватало знаний. Вот до чего довела моя безответственность — не могу вспомнить заклятие, чтобы вскрыть решетку! Сгнить в тюрьме — истинный позор для Верховной. Смирно дожидаться, пока в этой тюрьме меня обнаружит одержимый брат, — позор еще больший.

— А вот и твой сэндвич, малышка. Кстати, наш стажер нарыл кое-какое досье... Ты, случайно, не Натали Прайс? Нет?

Я несколько раз глубоко вдохнула, медленно выдохнула и улыбнулась.

— Хотите узнать свое будущее?

— Чего?

— Могу погадать вам. Я прорицательница.

— Ага, — прыснул со смеху офицер, остановившись на пороге. — Скорее проницательная мошенница.

— Разве вы не видели все те загадочные штуковины, когда рылись в моем рюкзаке? — надавила я и с облегчением увидела вихрь противоречивых эмоций в его взгляде. — Там есть и Таро, и руны, и оракул Ленорман.

Офицер прислонился плечом к стене, держа тарелку. Повисшая тишина выдала его с головой — заинтересованный, он не спешил уходить.

— Вы ведь верите в колдовство, — продолжила наступать я, обводя взглядом серебряный кулон, выглядывающий из-под воротника его голубой рубашки. — Это скандинавский «Шлем ужаса», я права? Отпугивает недоброжелателей. Спорю, в столе у вас валяется амулет гри-гри от воздействия магии вуду. Вы зашили внутрь свои состриженные ногти или пошли на более радикальные меры?

— Откуда ты знаешь? — встрепенулся офицер, выпрямившись во весь рост, как по стойке, и я улыбнулась, убедившись, что нащупала его больное место. — Мы живем в Новом Орлеане, детка! Тут все повязаны на колдовстве или защите от него. Так, просто на всякий случай... Моя жена очень суеверна.

— Тогда она наверняка не упустила бы шанс узнать свое будущее. Я ведь и ей погадать могу. Даже на расстоянии!

Офицер закатил глаза и просунул мне сэндвич через прутья решетки, а затем двинулся назад в офис. Мой трюк не сработал, и от безнадежности я рухнула посреди камеры, простонав ему вслед:

— Ну же! Я ведь смотрела сериалы и знаю, что ночные смены в полиции всегда безумно скучные. Таро — это бес-

платно, обещаю! И мне одиночество скрасит, и вам пользу принесет. Что скажете?

Офицер остановился, покосился на настенные часы и задумчиво постучал носком ботинка о решетку. Я тоже проследила за стрелкой на циферблате: она уже подбиралась к четырем утра. Значит, нужно поторопиться. Натянув на лицо самое дружелюбное выражение, я невинно захлопала ресницами.

— Ладно, — буркнул офицер. — Сейчас принесу. Как там выглядят твои Таро?

— Вы не найдете. Еще вдруг нечаянно рассыпете стружку из помета варана... Лучше несите весь рюкзак.

Спустя пару минут, за которые я успела запихнуть в себя сэндвич с беконом, потрепанный вельветовый рюкзак уже лежал у меня в ногах. Я неторопливо перебирала его содержимое под настороженным взглядом офицера, стоящего по ту сторону решетки. Он раздражающе притоптывал, подгоняя меня.

Я проигнорировала колоду карт, лежащую на поверхности, и запустила руку в потайной кармашек. В этот карман Рэйчел настрого запретила мне лезть без крайней необходимости, и до самой ее гибели я не знала, что именно она сочла подходящим для «крайней необходимости». Пальцы погладили кедровую пробку: баночка почти опустела за эти три года, на дне осталась пара розовых горошин. Я откупорила сосуд.

— Что ты там жуешь? — насторожился офицер, приблизившись, когда я быстро закинула себе под язык несколько крупиц морской соли. — Надеюсь, не тот помет, о котором ты говорила.

— Отойдите.

Превозмогая кошмарное жжение во рту и в желудке, я поднялась на ноги и, когда офицер не послушался и подступил ко мне, выставила перед собой пластиковую расческу.

— Отойди, кому сказала! — вскричала я, и офицер ахнул, вскинув руки над головой.

— Откуда у тебя револьвер? — ошарашенно спросил он, плясая на расческу. — Я ведь обыскивал твои вещи. Вот же дрянь...

— На пол. Сейчас же!

Рука у меня не тряслась, как это наверняка было бы, схватись я за настоящее оружие. Приходилось сжимать расческу крайне крепко, чтобы искрящаяся магия не дала осечки: она покалывала на кончиках пальцев, под кожей, словно невесомые электрические разряды. Магия струилась по венам, и даже мучившие меня боль в горле и кашель притупились и будто совсем исчезли. Пускай я и знала, что это состояние не продлится долго, но ощущать такую силу было блаженством: величие Верховной, которого у меня никогда не было.

«Тебе не нужна заговоренная соль с добавочной магией. В тебе ее и так в избытке, Одри! Ты сумеешь преодолеть все, с чем бы тебе ни пришлось столкнуться, потому что Верховная — это не титул. Верховная — это природа».

Нет, Рэйчел, моей силы никогда не было достаточно без волшебного допинга. Во мне никогда не было того, что помогло бы мне выбраться из клетки, и я не была уверена, что это когда-нибудь появится. Во рту таяла розовая соль, горча на языке привкусом далекого моря — и вдруг иллюзии, в плетении которых я всегда с треском проваливалась, стали моим спасением.

— Не делай глупостей, малышка, — попытался образумить меня офицер, но послушно лег на пол, предварительно швырнув мне в руки ключи. — Ты бы отделалась максимум исправительными работами за документы, но теперь...

Я передразнила его и, надев рюкзак, быстро открыла решетку и вышла, зачем-то прихватив остывающее и помятое мужское пальто.

Заперев офицера полиции в камере, наставив на него дуло расчески, я пробежала через весь корпус и влетела в комнату с пустыми офисными столами. За одним из них

дремал стажер перед тусклым экраном компьютера. Заметив меня, он растерянно приоткрыл рот, и я сунула расческу в карман, найдя этого паренька слишком безобидным и замученным, чтобы угрожать вымышленным револьвером.

— Приветик, чего расселся? У вас тут пожар, — сказала я, указав пальцем на коридор. — В туалете. Слепой, что ли? Там все в дыму, боже! — И, немного увлекшись, решила добавить: — Ты слышишь этот лай?.. Какой кошмар! Кажется, наверху остались щенки. Надо скорее спасти их!

Стажер подорвался, сбив локтем кружку с кофе, и с бранью кинулся к коридору, откуда, как ему мерещилось, выстреливали всполохи огня. Заглянув в кладовую и за дежурную стойку в поисках чехла со скрипкой и ничего не найдя, я скрепя сердце покинула полицейский участок, подгоняемая пожарной сиреной и чувством, что искр магии в пальцах становится все меньше, пока тает соль во рту.

В такое позднее время мне пришлось идти по городу пешком, то и дело вглядываясь в тени на задворках, чтобы одна из них не оказалась моим братом. Дождь немного ослаб, и моя одежда оставалась почти сухой благодаря недавнему подарку — шерстяному пальто детектива из Бёрлингтона. Выйдя на освещенную трассу, я чудом поймала такси и попросила довезти меня до ближайшего отеля.

— Двадцать баксов, — объявил водитель спустя пять минут, за которые я не успела даже восстановить дыхание.

— Это грабеж! — буркнула я и полезла в карманы, уже зная, что скоро мне снова предстоит бежать без оглядки, не заплатив.

Но вдруг нащупала портмоне из лайковой кожи.

— Вот, — сказала я, протягивая таксисту купюру в пятьдесят долларов из тех двух тысяч, что все еще, оказывается, были у меня. — Оставьте сдачу себе.

Не торопясь вылезать из такси под промозглую морось, пока удовлетворенный таксист пересчитывал выручку, я дрожащими руками расстегнула портмоне и робко загля-

Я грустно взглянула на оставшуюся сотню баксов и встала под навесом автобусной остановки в одежде, которая стоила достаточно, чтобы спокойно арендовать приличное авто. Завернувшись в пальто детектива, которое нелепо топорщилось на узких плечах и смотрелось поверх элегантного платья почти вульгарно, я рванула по лужам к автобусу с горящими цифрами — 21. Красивое число. Значит, подходит.

Примостившись возле окна, я расстегнула рюкзак и потрясла в руке мешочек с рунами, на которые уповала, несмотря на глубоко затаившуюся обиду.

— Я вас прощаю. Надеюсь, теперь вы поняли, до чего доводит промедление. Давайте впредь без глупостей!

Я кинула пригоршню кубиков на соседнее кресло. Автобус затормозил и покачулся, но руническая вязь уже сложилась и не распалась, будто приклеившись к грязной обивке.

«Сиэтл».

— Сразу бы так, — улыбнулась я и всмотрелась в мигающее табло с остановками, одна из которых удачно выпала на междугороднюю автостанцию.

Разъезжать на общественном транспорте между штатами — сомнительное удовольствие, но это было лучше неизвестности, отчаяния и холодных рук брата, исследующих мое тело против моей собственной воли. Добравшись до станции и пересев в автобус, идущий до Сиэтла, я затаилась в конце забитого салона и постаралась заснуть, рассасывая леденец от кашля.

Сны, что лезли в голову, когда я смыкала веки, вызывали тошноту едва ли не большую, чем тряска в душном автобусе, пропитанном табачным дымом и сыростью.

Я вышла спустя три часа езды на первой же остановке возле заправки с закусочной и, натянув шляпу пониже, оглядела пригородное захолустье. Мой взгляд задержался на вывеске тайского ресторанчика. Смрад здесь стоял со-

— Вы будете брать все? Здесь же семнадцать штук, сэр, — сконфуженно заметил продавец, нервно поглядывая то на детектива, стоящего перед кассой, то на пирамиду из замороженных яблочных пирогов, которую он вывалил ему на прилавок.

— Семнадцать? — озадаченно переспросил Коул и выпрямился, отчего стал казаться еще выше, уступая по высоте разве фонарному столбу на въезде. — Хм-м... Мне нужно двадцать.

— Вы забрали все яблочные пироги, что у нас были.

— Точно?

— Проверьте морозильник с блинчиками. Может, там завалилось.

Коул кивнул, и очередь покупателей взвыла. Побежав к камере с полуфабрикатами, он промчался мимо меня и даже не заметил. От испуга мое сердце пропустило несколько ударов, а когда детектив встал вполоборота ко мне и запустил руки под ледяные ребрышки в поисках яблочных пирогов, замерло окончательно.

— Чудила, — хмыкнула я, наблюдая из-за угла. — Но красавчик.

Коул Гастингс и впрямь был невероятно хорош собой. Даже удивительно, как я не заметила этого раньше. Впрочем, нет, ничего удивительного в этом не было: моя память о вчерашнем дне ограничивалась животным страхом, гонящим меня через Новый Орлеан, и бездушными серыми глазами, которые я поклялась однажды выцарапать. После покупки платья, леденцов с шалфеем и отдыха мое самочувствие улучшилось, а ум прояснился. Теперь я могла трезво оценить, что представлял из себя нервный детектив, благодаря которому я угодила за решетку и попрощалась не только со всеми своими поддельными документами, но и с обожаемой скрипкой.

Солнце палило нещадно. Его лучи обтачивали высокие скулы, окрашивая заостренное лицо Коула в золото. Когда

он нагнулся, чтобы вынуть из-под льда еще один пирог, свет затанцевал на россыпи его веснушек, расходящихся по лицу в хитросплетении с мелкими родинками. Карие глаза оказались светлее, чем выглядели вчера во мраке чернильных туч, а каштановые волосы вились вовсе не от влаги, а сами по себе. Кофейные локоны пружинились, зачесанные на затылок. Не старше двадцати пяти лет, худой и высокий, он выглядел отстраненным, далеким и непонятным даже для меня — ведьмы, для которой «быть непонятной» — синоним повседневной жизни. Коул выглядел одиноким. Неприступным. Задумчивым. И... диким?

— Нашел! — громко объявил Коул, неся в руках еще три пирога, в этот момент он выглядел по-детски счастливо, настолько, что мне почти расхотелось делать то, что я собиралась.

Однако ключи от машины с брелоком-ракушкой, соблазнительно звенящие на его большом пальце, быстро расставили все по местам.

Я налегла на соседний стеллаж и оттолкнулась ногой, обрушивая стойку с консервными банками на Коула, несущего яблочные пироги.

Послышался сдавленный крик и топот разбегающихся посетителей, когда упавший стеллаж задел соседние. Я стремительно обогнула гору из сваленных продуктов, из-под которой торчали длинные ноги, и подобрала ключи от машины, упавшие рядом с коробкой кукурузных хлопьев.

Выбежав на улицу прежде, чем кто-нибудь из покупателей помог мычащему Коулу, заваленному консервами, выбраться, я нашла его машину и сняла блокировку на пульте.

Синий джип поприветствовал меня громким гудком. Вытащив заправочный шланг, я запрыгнула за руль и завела мотор. Вездеход — то, что нужно для непредсказуемых многолетних скитаний по стране! Я точно оставлю этот джип надолго.

Предвкушая скоростной кайф и освежая в памяти уроки вождения Рэйчел, я сняла машину с ручника.

— Штрудель!

Мне в спину впиалась бритва, раздирая пальто, и я завизжала. В лицо кинулся гигантский комок шерсти, и от неожиданности я вдавила ногу в педаль газа, но, не проехав и метра, впечаталась в заправляющийся фургон. Даже после резкого толчка животное не оставило попыток разодрать мне лицо, но, запутавшись в моих волосах, протяжно замыкало. Стащив с себя чудовищное животное, которое оказалось толстым рыжим котом, я вывалилась из джипа и попыталась подняться, чтобы трусливо бежать, бросив ключи на землю.

Длинные ноги в коричневых ботинках и полосатых носках отрезали мне путь к отступлению. Коул схватил меня за воротник пальто и убрал с моего лица включенные волосы, чтобы я в полной мере смогла лицезреть неоднозначное выражение на его лице. Наверное, именно такое лицо бывает у тех, кто ловит преступника с поличным, — самодовольство, граничащее с жалостью.

Но впервые за много лет я вдруг вспомнила, что это такое — предчувствовать, как даже вопреки дерьмовым обстоятельствам твоя жизнь вот-вот изменится в лучшую сторону просто потому, что произошло то, что должно было произойти с самого начала.

— Так вот оно что, — прошептал Коул, щелкнув своим зеркальцем и выставив руку так, чтобы видеть мое отражение. — Ты ведьма.

III

ЛЕВ И ДЕВА

— Ведьма.

Я поперхнулась ирисками, пакетиком которых меня любезно угостил Коул, и сняла фетровую шляпу.

— Вам что, нравится оскорблять меня, детектив?

Молодой мужчина лениво повернулся. Находиться со мной лицом к лицу давалось ему с таким же трудом, с каким мне — выносить душный климат Дели или шумных ирландцев в дублинской пивнушке. Даже после всего, что свело нас вместе в этом дрянном тайском ресторане, дикости в его тигриных глазах не поубавилось ни на грамм. Правда, в отличие от дикости зверя, его дикость ничуть не утратила — кто станет бояться того, кто напуган сам? А Коул был напуган. Кажется, постоянно. Тонкие пальцы, отстукивающие по краю стола барабанную дробь, лишний раз убеждали в этом. Раз, два. Раз, два. Шаманский ритм, усыпляющий бдительность. Коул передернул плечами и поправил воротник клетчатой рубашки, еще не выглаженной после шторма в Новом Орлеане. В свете выцветшего торшера карие глаза подсвечивались янтарем, а кофейные кудри выглядели еще более спутанными, чем мои волосы после встречи с его котом.

— Ведьма, — повторил Коул, когда я снова захрустела конфетками. — Это многое объясняет.

— Еще одно слово — и я уйду.

— М-м... Ведьма.

— Прекрати! Что с тобой не так?

Гигантская статуя Будды подглядывала за нами из-под гирлянды красных бумажных фонариков, подмигивая в полумраке драгоценными вставками вместо глаз. Коул вновь отбил пальцами какой-то марш, длящийся целую минуту, за которую я успела слопать миску Том Яма. Когда я приложила ко рту салфетку, он наконец-то заговорил, тихо и размеренно. Точнее, запел:

*Гроздь рябины под окном,
В такой цвет ведьма красит дом.
Губы, щеки и подол,
Все полыхает как огонь.*

*Зверобой, полынь, терновник,
Жемчуг положи на подоконник,
Прикрой шелком наготу,
Ведьма любит красоту.*

*Клевер, вяз, крапива, дуб,
Злые духи не войдут,
Ведьма плачет — быть беде,
Венок сплетет, какой и где?*

*Васильки — могила ждет,
Мак — судьба с ней больше не сведет,
Омела — ведьмин поцелуй,
Фиалки — на свадьбе весело танцуй.*

*Ежевика, лен и астра,
Нигде не будет безопасно,
Север, запад и восток,
Скрипка магию влечет.*

*Железо, меч и соль морская,
Для ведьмы чар — проклятая награда,
Любовь гони прочь впопыхах,
Завидев жемчуг в женских волосах.*

Из-за пасмурной погоды, перекочевавшей из Нового Орлеана в пригород, здесь было не только душно и темно, но и безлюдно. Поэтому единственным, кто оглянулся на маниакальное мурлыканье Коула, был повар, поджаривающий на сковороде креветки в манговом соусе.

— А ты поэт, — ухмыльнулась я, изображая равнодушие. — Тебя пригласили выступить на детском утреннике?

— Это считалочка, — поправил меня Коул. — Повторить?

— На кой черт?

— Чтобы ты поняла, как именно я узнал, — произнес он почти снисходительно, обводя широким жестом и мою красную шляпу с ободом из речного жемчуга, и губы, выкрашенные тонким слоем помады, и лимонное платье из стопроцентного шелка.

— Это называется мода, — тут же парировала я. — Все девушки сейчас так выглядят. Заведи инстаграм.

Коул наклонился, доставая из-под стола продолговатый футляр из угольно-черной кожи, который даже не требовалось открывать, чтобы я узнала его и тут же протянула руки, заключая любимую скрипку в объятия.

— Где ты ее нашел?!

— Забрал в полицейском участке, — поведал он, пока я гладила тонкий инструмент из лаковой ольхи.

Снова закрыв чехол, я опустила его под стол и привычно зажала между коленей, задушив восторженный крик.

— Ты возвращался в участок? — уточнила я.

— Ага, — кивнул Коул. — Решил забрать тебя, когда осознал.

— Осознал что?

— Что я круглый идиот. Не распознать ведьму в той, что заснула прямо на заднем сиденье моей машины... Это ведь было так очевидно!

— Ну вот, опять та же песня, — утомленно вздохнула я. — У тебя шарманку заело?

Коул проигнорировал мою издевку и откинулся на спинку стула, явно не намереваясь отступить.

— Ведьма, — шепнул он снова, чем подтвердил мое предположение о шарманке.

— Бред, — фыркнула я, уже не столько из страха оказаться разоблаченной, сколько из упрямства. — Ты всегда такой странный?

— Да, — невозмутимо признался Коул. — Но вряд ли я страннее девушки, которая преследует меня по всему штату, только чтобы обокрасть еще разок... — И раньше чем я успела перебить его и объяснить, что все наши встречи — чистая случайность, Коул выпалил: — Знаешь, именно этого мне и не хватало в заслуженный отпуск! Я остался без денег и с огромной шишкой на лбу. Огромное спасибо!

— Так ты в отпуске, — задумчиво протянула я, надкусывая жареную картошку, которую успела стащить из тарелки Коула. — Очень странно ты представляешь себе уикенд, охотясь на колдунов вуду на другом конце страны, — я лукаво прищурилась, и настал мой черед привести его в замешательство. — Да, я подслушивала. Как ты вообще вышел на него? На того афроамериканца с тростью из черепа... Ты ведь в курсе, что это был настоящий человеческий череп, да?

— Мы списались по интернету, — пожал Коул плечами. — Он ведет свой блог.

Всегда отстраненное выражение на его лице было не так уж просто раскусить. После бесчисленных краж и уловок все люди были для меня предсказуемы, но вот мысли Коула казались потемками, уже не говоря о душе. Находка для кладоискателей! Непокосимый и сосредоточенный, он в то же время производил впечатление наивного простака. Было сложно понять его, кто в одно мгновение вызывает у тебя смех, а в другое — щемящую нежность.

— Я тоже кое-что видел, — заявил Коул. — То, от чего ты бежала, когда чуть не угодила мне под колеса. Тот парень,

что преследовал тебя, тоже колдун. Он показался мне... одержимым. Он бы убил тебя, если догнал.

Я поперхнулась картофелем и поспешила запить его цветочным чаем. Стручок корицы, плавающий на дне чашки, горчил во рту, но не так, как желчь, что подступила к горлу от воспоминаний.

— Надо же! Ты и впрямь его видел, — искренне удивилась я. — И даже запомнил. Невозможно! Джулиан применяет чары, чтобы оставаться невидимым для мертвых... Даже в детстве на Хэллоуин не забывал о них, чтобы стащить побольше мармелада у соседей.

— Дельный навык, — одобрительно промычал Коул, нервно жуя губы, которые и так были у него искусанными и малиново-красными. — А почему ты не используешь такие же?

— Использую. Люди забывают меня через два дня, если только мы не увидимся снова. Это для их же безопасности... Ну, и моей собственной, разумеется.

Коул безразлично пожал плечами, гипнотизируя взглядом свою порцию картошки, будто ожидая, что она вот-вот оживет и станцует.

— Но я-то тебя помню, а прошло как раз два дня.

— Да, ты — та еще аномалия, это мы и так поняли.

— Значит, ориентировка на твое имя не выйдет, — вдруг сказал он и даже почти улыбнулся, что поразило меня куда больше, чем все, что мы обсуждали до этого: все это время его лицо практически не менялось. — Я промотал запись с камер видеонаблюдения в участке. Идея с расческой-револьвером была хороша. Правда, стажера пришлось отпаивать бренди после истерики... Это было внушение?

— Иллюзия. Ты расспрашиваешь меня обо всем так, будто никогда...

— Никогда не встречал ведьм? Нет, встречал, но ты первая, с кем мне удалось пообщаться. Обычно они сбегают. Никто не любит представителей правоохранительных орга-

нов. Ведьмам нет дела до наших законов, но именно за этим я сюда и приехал.

— Ты ищешь ведьму?

— Да. Жаль, что мне попалась только неприкаянная беглянка. — Коул уронил локти на стол, отчего посуда вздрогнула, как, впрочем, и я. — Расскажешь, что с тобой приключилось? В ту ночь ты выглядела, как жертва бытового насилия. Обычно я оказываюсь прав. Тот жуткий тип в плаще — твой бывший?

Бывший. Это слово пронзило меня насквозь, как копье. Горло скрутило узлом, и я поспешила отодвинуть от себя еду, чтобы перестало мутить.

— Ладно, если не хочешь изливать мне душу, то у меня накопились вопросы и по теоретической части... — пробормотал Коул.

— Как ты делаешь это? — резко перевела стрелки я. — Отличаешь людей от тех, кто выдает себя за них. Похоже, ты сталкиваешься с подобным слишком часто для рядового члена полиции. То зеркало, что ты носишь с собой, показывает тебе правду?

Коул осторожно взял ириску из пакетика — первую против двадцати штук, что я уже съела. Медленно развернув ее и закинув себе в рот, посмотрел мне в глаза лишь долю секунды, а затем, не вынеся зрительного контакта, отвернулся.

— Вообще-то я думал, что это ты мне скажешь. Ведьмы ведь всегда знают. Все и обо всем.

— Я давно не вхожу в их число. Ведьма без ковена — не ведьма.

Коул скептически вздернул бровь и молча шарил по карманам застиранных джинсов, пока не выудил нечто глянцево-овальное. Потертая бронза, не обремененная изысканными украшениями, была украшена черными ромбами. Коул поддел ногтем крышку, а спустя миг из зеркала на меня уставились два темно-серых глаза. Кукольное лицо в об-

рамлении искусственно-пепельных волос почти сливалось с ними по цвету, бледное и истощенное от вечного бегства.

— Видишь? — спросил он, держа зеркало, в котором я тщетно старалась разглядеть что-то новое помимо образа, который мне не нравился. — Отражение так не считает. Все еще ведьма.

— Ой, погоди, — зашептала я театрално, подавшись к зеркалу. — Что-то вижу... Сейчас... Зеленая кожа и рога! А, нет, показалось, это все еще просто я. Ничего там нет, дурень!

Коул нахмурился и повернул зеркальце к себе. Я успела рассмотреть, как причудливо искажаются в нем родинки на его лице и шее, похожие на шоколадную крошку в сливочном пломбире. Коул облизнул большой палец и заботливо потер зеркальце.

— Должно быть, оно зачаровано для тебя одного, — предположила я, не совладав с любопытством. — Дай-ка сюда. Смогу определить, если...

— Нет, — ошетинился Коул и захлопнул зеркальце у меня перед носом в тот момент, когда я перегнулась к нему через стол. — Не в этот раз!

— Как скажешь.

Категоричный тон Коула умирал мой пыл, а также желание помогать. Вернув себе хладнокровие, я глотнула из пиалы чай.

— Та смешная считалочка... Откуда она? Если я — первая ведьма, которая согласилась с тобой говорить, ты вряд ли написал ее сам. «*Прикрой шелком наготу*»... Очень умно объединить все наши фетиши в милой песенке. Мы и впрямь славимся... тягой к прекрасному, — ловко заменила я слово «клептомания».

— Это стихотворение моей бабушки, — ответил Коул как-то смущенно, будто рассказывать о себе было для него чем-то новым и даже неприличным. — В Северной Каролине, где я рос, ведьм живет много.

— Неужто ведьмы Северной Каролины похищают

детей? — хихикнула я, но серьезное лицо Коула не дрогнуло. — Должна же быть причина, почему твоя бабушка так боялась нас.

— Она не боялась, — покачал головой Коул, и челка спала ему на лоб, закрывая веснушки вдоль переносицы. — Бабушка умерла раньше, чем я успел спросить ее об этом, но, наверно, она просто хотела, чтобы я был готов. Предупрежден — значит вооружен.

Он также взял свою пиалу, и мы оба сделали по глотку в гробовой тишине. Руки так и чесались стащить у Коула ключи от машины, кокетливо выглядывающие из кармана штанов. Пока он возился с десертом из засахаренных каштанов, не зная, как их есть, я судорожно соображала, что делать дальше: сбежать через окно в туалете или просто вырубить его подносом, все-таки забрав ключи?

— Я не бью женщин, — неожиданно брякнул Коул и добавил, прежде чем я успела раскрыть рот: — Но придется, если ты все-таки выберешь поднос. В туалет я тоже тебя не пущу, ведь там над раковиной, скорее всего, есть окно. Поэтому... Справишь нужду на следующей заправке, если надо.

— Вау, — невольно восхитилась я чудесами дедукции и робко уточнила, угнетенная странным осознанием, что, наверно, именно так обескураженно и чувствовали себя те, кого мне приходилось дурить на улицах: — Секунду... Когда это мы вдруг стали попутчиками?

Коул допил чай, громко причмокивая от сладости меда, и неловко улыбнулся, обнажая едва заметную щербинку между передними зубами, которая делала его еще более очаровательным.

— Я возвращаюсь домой, в Бёрлингтон, и хочу спасти какую-нибудь доверчивую семью от пропажи машины и большей части наличных. Если выдвинемся сейчас, уже утром будем в городе. — Коул взглянул на объедки и зачем-то завернул их в салфетку, пока я шокированно наблюдала за этим действием, варварским даже для меня. — Что?

Надо же мне как-то искупить вину перед Штруделем. Твое вторжение — большой стресс для него.

— Штруделем?

— Так зовут моего кота. Мы путешествуем вместе.

— Ах, речь об этой свирепой буханке хлеба, которая пыталась сожрать мое лицо? Да, я помню.

Коул насупился и снова сел, заметив, что я не собираюсь двигаться с места.

— Я правда предлагаю тебе поехать со мной. Ты ведь все равно кочуешь из города в город. Чем тебе не очередное приключение?

— Ну уж нет! — разозлилась я, топнув ногой. — Чего ты привязался, а? Ждешь благодарности за спасение от бури? Хватит и того, что я оплатила ужин.

— Вообще-то, фактически счет оплатил я, — сказал Коул. — Потому что ты сделала это деньгами, которые ukrала у меня в Новом Орлеане. Что-нибудь от них еще осталось, кстати?

— Только это, — я горделиво поправила свою жемчужную шляпу. — Взяла на сдачу после того, как сняла себе на ночь пентхаус.

— В бумажнике были все мои накопления за год и отпускные, — Коул застонал.

— Оу, — бесстыже улыбнулась я. — Не повезло.

— Действительно, — согласился он, и я внезапно поняла, что все это время он не сводил с меня глаз, пускай и предпочитая пялиться куда-то в точку между моих бровей, чтобы не была так заметна его болезненная отстраненность. — Не повезло в деньгах — повезет в работе.

— Там вообще-то не так говорится... Скажи, как такому, как ты, вообще доверили полицейский значок?

Я часто говорила невпопад, а еще чаще говорила то, за что многие с радостью бы вырвали мне язык под корень. В этот раз вырвать свой язык захотелось мне самой. Как и всегда, лицо Коула не дрогнуло, но дрогнул взгляд. Он

буквально остекленел, и меня обожгло так же, как его, судя по всему, обожгло мое замечание.

Однако его голос остался ровным и ничем не выдал уязвленности:

— У меня синдром Аспергера, если ты об этом. Да, я устроился работать в полицию незаконно. Да, я каждый год откупаюсь от медицинских скринингов. И нет, диагноз не мешает мне делать мою работу. А еще я очень старательный, умный и ответственный, чтобы ты знала.

— Коул, я не имела в виду...

— И я хочу, чтобы ты поехала со мной, потому что мне позарез нужна помощь кого-то вроде тебя. В моем родном городе творится неладное. К тому же ты ведь вряд ли бывала на озере Шамплейн. А оно просто невероятное!

Бескрайние воды, обтачивающие многолетние скалы. Тысяча километров безмятежной прозрачной глади, великолепие созерцательной красоты. Первозданный источник магии, который позволил группе потерянных ведьм пустить корни на одном из берегов и взрастить ковен, именовавшийся как то место, что его приютило.

Там жила я. Там я и умерла — умерла та часть моей души, которая ушла следом за семьей, разорвавшись от горя. И ни за что я не согласилась бы вернуться туда после того, как уже однажды позволила Рэйчел уговорить меня... Позволила Рэйчел там же меня и покинуть. Озеро Шамплейн больше не первоисточник магической силы. Озеро Шамплейн — кладбище, с какого края к нему ни подступишь.

Память заржавела, но ожила, когда я услышала эти слова. Полчаса от Шелберна и час от Шарлотта, а в сумме полчаса от особняка. Бёрлингтон входил в наши владения, как и все прибрежные города, за магический порядок в которых отвечала Верховная.

Бёрлингтон — моя ответственность.

— Я не поеду.

Должно быть, это прозвучало так, будто я испугана, потому что Коул резко подался ко мне. Повеяло запахом чая и жженой карамелью.

— У меня однокомнатная квартира с видом на рыбацкий причал, — начал наседать он, часто моргая. — Я живу один... Ну, почти один, если не считать Штруделя. Ему по праву принадлежит диван, но, думаю, он не станет возражать, если мы переселим его на лежанку, а тебе достанется моя кровать.

— Коул, я не поеду.

— Кровать, кстати, ортопедическая.

— Коул...

— Ты украла у меня две тысячи долларов, — попытался воззвать к моей совести он.

— Ты сам оставил мне их!

— Да, — Коул взъерошил кудри. — Я забыл. Зеркало мне очень дорого, и его пропажа вытеснила все остальное. Но это в любом случае кража... — И, смутившись при виде моих гневно раздутых ноздрей, он тут же поднял белый флаг: — Эй, я не собираюсь писать на тебя заявление! Мне просто было бы приятно, если бы ты согласилась их отработать. Не в том смысле! — Коул тут же осекся, краснея. — Я не знаю тебя, а ты не знаешь меня, но у нас обоих есть то, что мы можем дать друг другу, — он сел прямо и на волшебную долю секунды все же смог заставить себя задержать взгляд на моих глазах. — Твои знания и магия в обмен на временное пристанище. И, что самое чудесное, тебе даже не придется ничего красть! Продукты за мой счет.

Предложение звучало сомнительно, но выгода — многообещающе. Ладони вспотели от одной лишь мысли, что на свете вновь появится кто-то, на кого я могла бы положиться, как на Рэйчел в свое время. Я встряхнула головой и отрезвела: участи, к которой ее привела близость со мной, никто не заслуживал. Особенно Коул.

Языки пламени уничтожают, уничтожают, уничтожают.

— Ты всего лишь человек, Коул, — мягко прошептала я. — Весьма необычный человек, отрицать не стану, но ты даже понятия не имеешь, в какие неприятности я могу тебя втянуть. Ты ведь не знаешь всей истории и уж тем более не знаешь, смогу ли я помочь тебе. Я не самая выдающаяся ведьма, детектив, и вообще-то я направлялась в Сиэтл, так что нам не по пути и...

Стараясь не поднимать глаза на Коула, я быстро перехватила лямку своего рюкзака и потянулась под стол за скрипкой, чтобы сбежать, но молния на рюкзаке предательски затрещала. Из него посыпалось содержимое, завалив проход между столиками. Гастингс вздрогнул и наклонился за разлетевшимися картами Таро, выпавшими из шкатулки вместе со склянками и бельем.

— Я сама! — остановила я его, когда Коул поднес к лицу одну из позолоченных карт, вглядываясь в изображения веселого юнца, скачущего по холмам с узелком наперевес.

— Что это? — поинтересовался Коул, не выпуская карту. Я обреченно выдохнула.

— Эта карта Дурака. Ее еще называют Шутом. Как видишь, карты никогда не ошибаются, — язвительно подметила я, и когда Коул повернул ко мне другую поднятую карту, то только подтвердил мои слова: — А это Верховная Жрица. Олицетворение тайн и ворожбы.

— Поразительно, — восхитился Коул, хотя о его восторге я лишь догадывалась, ведь он всегда говорил с одной интонацией, а выражение лица у него менялось только в моменты смущения. — А если я спрошу у них о твоём преследователе?

— Не смей!

Но Коул уже поднял следующую карту, и внутренности у меня скрутило.

— Можешь не объяснять, — тихо сказал Коул, садясь за стол с тремя картами, зажатыми между пальцев. — Я и сам вижу. Это дьявол.

Чудовище, чьи рога вились так высоко вверх, что почти

выходили за край рисунка. На фоне скалящегося дьявола вопили белые фигуры в цепях, преклоняя колени, — низвергнутые души, навсегда заточенные в его власти. Ни одна карта не описала бы натуру Джулиана лучше, чем эта.

Воспользовавшись моим замешательством, Коул наклонился и собрал все мои вещи, а затем разложил их перед собой. Убедившись, что под столом не затерялась ни одна хитрая карта, он замороженно перетасовал их, оставив уже выбранные три лежать рубашками кверху.

— Что ты делаешь? — поинтересовалась я, на что Коул перемешал колоду еще раз.

— Не знаю. Наверно, пытаюсь уговорить тебя.

Он остановился, взвешивая колоду Таро на ладони, и посмотрел куда-то мне в лоб, очевидно, чтобы изобразить зрительный контакт, который из-за синдрома Аспергера был для него ужасно сложным.

— Что будет, если ты поедешь в Сиэтл, как и планировала? — вдруг озвучил он и снял верхнюю карту, кладя ее рядом с моим барахлом.

Таро издавна служило развлечением даже для самых маленьких ведьм, потому что, податливые и честные, карты отвечали практически всем, кто зывал к их благосклонности. Коул же не воспринимал карты всерьез, поэтому даже не подозревал, что играл с магией, которая ластилась к его рукам, как котенок. И отвечала она ему предельно честно.

— Это... Башня? Что она означает?

Ничего хорошего.

Воздух затвердел в легких, и меня пригвоздило к стулу. Я молча уставилась на карты, переливающиеся в мягком свете ламп. Каменную башню на рисунке пожирало пламя: спасаясь и погибая, из нее сыпались, как опадающие листья, люди. Страх, отчаяние и разрушение.

— Это означает, что все будет, как я и задумывала, — невозмутимо солгала я, как делала уже много лет.

Коул подозрительно нахмурился, но придираться не стал и перевернул следующую карту.

— А если ты отправишься со мной в Бёрлингтон?

Юная дева в белоснежном одеянии, цепляющаяся за гриву льва, чья пасть была раскрыта в предостерегающем рыке, направленном против врагов. Прильнув к коленям девы, он служил ей, покладистый и верный.

— Это Сила.

— Хорошая карта?

— Очень.

— Тогда выбор очевиден. Сила точно выглядит привлекательнее, чем руины, — вынес свой вердикт Коул, с сомнением покосившись на отложенную карту Башни.

Я скрестила руки на груди, показывая свое недоверие.

— Это ничего не значит, мистер-Дельфийский-оракул. Ты ведь до этого дня наверняка считал, что Таро — просто еще одно неплохое имя для кота.

— Твоя правда, — смирился Коул и отодвинул колоду, интересуясь, что еще успело вывалиться из моего рюкзака. — А что насчет этих штук?

У Гастингса были тонкие пальцы, длиннее моих, наверное, раза в два, и потому он дотянулся до мешочка с рунами быстрее, чем я до его наглой физиономии.

— А ну лапы прочь! Это уж точно не для твоих ребяческих шалостей, — рявкнула я, шлепнув его по ладони, и Коул отпрянул, отреагировав на касание так же остро, как на удар током. — Сам за свое карманное зеркальце ткнул меня в землю лицом, а по чужой сумке бессовестно рыскать — это пожалуйста!

Не найдя, что противопоставить моему замечанию, Коул виновато потупился и выпустил мешочек из рук. Руны высыпались и застучали по поверхности стола. Я хлопнула себя ладонью по лицу.

— Просто. Ничего. Не трогай! Хватит!

— Они что, вырезаны из кости? — все же не сдержался он, взяв один кубик и вода пальцами по граням.

От злости у меня свело скулы.

— Да, из человеческой, и ты очень близок к тому, чтобы

я и из тебя сделала себе какую-нибудь увеселительную финтифлюшку!

Коул скептически нахмурился, не отвлекаясь от кубика с руной Перт, а я бросила беглый взгляд на остальные, прежде чем смести их в горстку, но моя рука замерла над рунами, что сложились в тесный ряд.

«Бёрлингтон».

— Извини, я иногда слишком увлекаюсь. Я сейчас все соберу...

— Оставь! Подожди...

Беркано. Соуло. Почему? Куда делся предреченный «Ситл»?!

Я загребла все руны в ладони и, встряхнув, бросила.

Беркано. Соуло.

«Бёрлингтон».

— Да вы издеваетесь, — заныла я.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри».

Клянусь, чтоб его!

Зажмурившись на пару мгновений, чтобы собраться с мыслями перед признанием победы Коула, я наконец выдохнула и быстро вернула руны в мешок. Мне потребовалось несколько минут, чтобы перебороть гордость и сказать:

— Так и быть. Я поеду с тобой в Бёрлингтон. — И, не давая Коулу вставить ни слова, выставила перед ним указательный палец: — Но я не стану обещать, что не уеду оттуда тогда, когда сочту нужным. Понятно? Никаких договоренностей.

— Никаких договоренностей, — эхом отозвался Коул. — Может, еще картошки закажем? Ты съела мою.

Резкая смена темы ввела меня в ступор.

— Новую порцию картошки еще полгода готовить будут, — проворчала я. — Ладно, закажем картошку с собой, так и быть.

Я сложила все свои вещи в рюкзак, быстро перебирая руками, чтобы Коул не успел заметить в кипе барахла мой выпавший бюстгальтер, и подняла скрипку.

— А это правда, что ведьмы живут пятьсот лет? — вдруг спросил Коул.

Я высунула язык, запихивая в карман рюкзака свою атласную кофточку.

— Нет. Мы долгожители, а не бессмертные. Лет двести пятьдесят или триста... Кому как повезет. Может, погнали уже, а? Или тебе прямо тут справочник по ведьмовскому житью накатать?

Мы поднялись, направляясь к стойке выдачи заказов на вынос. Тучи снаружи сгущались, нагнетая мрак внутри ресторанчика, и я поспешила запахнуть пальто, чтобы не разболеться снова. Одну простуду я и так с трудом пережила.

Сложив в бумажный пакет две порции жареной картошки, Коул придержал для меня дверь, пропуская вперед. В усиливающемся ветре мы добежали до джипа, и я забросила на задние сиденья свой багаж, метя, чтобы попасть в дремлющего кота.

Протяжно мяукнув, Штрудель умастился на моем футляре, который тут же порыжел и сделался меховым, как и весь салон автомобиля.

— Сядешь к Штуду или ко мне?

— Однозначно к тебе.

Я устроилась на переднем сиденье и скукожилась в кресле, как изюм, пытаюсь занять удобное положение и немного расслабиться. Путешествовать с кем-то было мне в диковинку.

Коул завел мотор. Перестав щепетильно вылизываться, кот спрыгнул с моей скрипки и перебрался к нам. Жирок под персиковой шерстью колыхался, и пухлые бока едва не застряли между сиденьями.

— Что происходит? — сглотнула я, когда Штрудель, размяв лапы на коленях Коула, остался чем-то недоволен и наострил перейти ко мне. — Ну уж нет...

— Погляди, Штрудель пошел на мировую! — умилился Коул. — Что такое? Разве ведьмы не обожают кошек?

— Это стереотип, — мрачно сказала я, стараясь не придрагиваться к вибрирующему клубку весом в шесть фунтов, который улегся мне на колени.

Штрудель зевнул, и на меня сонно уставились два глаза-цитрина, чуть ярче и желтее, чем глаза Коула. Убедившись, что кот действительно ластится, а не собирается взять надо мной реванш, я легонько потрепала его по холке. Хвост возмущенно вильнул, ударив меня по носу.

— Вздремни, — посоветовал мне Коул, включая дворники. — До Бёрлингтона сутки пути. Только сначала...

— Что?

Коул замялся, и я невольно напряглась.

— Скажи, как тебя зовут на самом деле?

Я — лгунья, и это норма для тех, кто вынужден скрываться и выживать. Но, глядя Коулу в глаза, пускай он тут же и отводил их, я внезапно поняла, что устала от беспрепятственной лжи. И впервые за много лет я услышала, как неприятно, приятно и волнующе звучит мое собственное имя:

— Одри Дефо.

Уголки губ Коула дрогнули, и он смел мои удостоверения, забранные из участка в Новом Орлеане и лежащие на бардачке, в бумажный пакет. Неожиданно для себя я не стала препятствовать.

— А я Коул Гастингс. Приятно познакомиться. Там, куда мы едем, врать и прятаться тебе не придется. Поездка в Бёрлингтон станет лучшим твоим решением, вот увидишь!

Это прозвучало не так искренне, как Коул пытался. Я усмехнулась, заметив красные пятна, которыми он покрылся. Судя по ним и тому, как Коул, нервничая, едва не выдернул с корнем рычаг передач, заводить новых друзей ему доводилось не часто. Джип помчался по шоссе так быстро, будто из тайского ресторана за нами гнался сам Будда.

Впрочем, лучше бы это и впрямь был Будда.

IV БЁРЛИНГТОН

Голубая глина, которую так приятно мять в руках. Белоснежные катера и рыболовные судна, дрейфующие по кристаллической глади. Прогнивший пирс, заросший мхом, от которого побегут мурашки до самой макушки, если пройти по нему босиком.

Я не повернулась на шорох гальки и не подняла глаз, даже когда Джулиан опустил ся рядом.

— Ты знал?

Мой голос звучал сухо, как шорох листьев на пожелтевших деревьях, чей ветреный шелест Рэйчел звала пением лесных духов. И, по ее заверениям, духов вокруг нас было непомерно много: они, как и деревья, милостиво берегли наш ковен от чужих глаз.

Джулиан все молчал, а я пыталась увидеть перед собой хоть что-то, а не осунувшееся лицо матери, когда она говорила то, что я предпочла бы забыть.

— Почему ты не рассказал? — спросила я, и от тишины, ставшей мне ответом, захотелось кричать.

Я повернула голову. Злость подступила к горлу при виде сдержанного вида Джулиана, который даже не думал оправдываться или извиняться, как ему следовало.

— А что другие? — прошипела я, и голубой глине в моих руках больше не требовалось мое теплое дыхание, чтобы оставаться мягкой: склизкая, она потекла, как жид-

кость, плавясь на коже от неестественного жара. — Рэйчел? Дебора? Маркус? Эмма? Они тоже знали? Говори же!

— Да.

— Что «да», Джулиан?!

— Все знали, — подтвердил он, перебирая мелкие песчинки. — Кроме Ноа и Хлои. Они еще слишком маленькие. — И прежде, чем я успела швырнуть кипящую в ладонях глину ему в лицо, Джулиан наконец-то заговорил: — Успокойся, Одри! Мы сами узнали об этом только два дня назад.

— Два дня, по-твоему, недостаточно?! Ты предал меня!

— Хватит молоть ерунду! Это мама велела нам молчать, потому что хотела рассказать тебе все лично. Я не мог не выполнить ее просьбу, учитывая, что это, возможно, последняя просьба в ее жизни!

Я демонстративно зажала уши, тряся головой, чтобы не слышать.

— Замолчи! Замолчи! Я не заслужила, чтобы узнать последней новость, что нашу мать, саму Верховную ведьму, жирует какой-то примитивный человеческий рак!

Джулиан снова затих, но теперь смотрел на меня в упор — хладнокровный, непроницаемый... Уступчивый. Он всегда контролировал свои эмоции лучше, чем кто-либо из нашей семьи. Даже сейчас он терпел и смиренно пережил бурю, которая рвала мою душу на части. Бурю из слез и ветра, гонящего воду к берегу, как при морском приливе.

— Эй, — ласково позвал меня Джулиан и потрепал по волосам, хотя я попыталась увернуться и оттолкнуть его, ударив локтем в грудь. — Дыши глубже, Одри. Погляди, из-за тебя шторм начинается...

Я крепко жмурилась, глотая соль, щиплющую губы. Джулиан осторожно обнял меня, подставляя свое плечо, в которое я незамедлительно уткнулась. Он всегда был моей опорой, моей крепостью, но даже она распалась на тонну булыжников, неспособная укрыть меня от горя потери самого

любимого человека на свете. И все же объятия Джулиана утешали, как молоко с медом, и сквозь слезы я разглядела потемневший пейзаж, утративший безмятежность: буря эмоций обернулась бурей природы. Катастрофически похолодало.

— Возьми себя в руки, — сказал Джулиан шепотом, целуя меня в волосы, расплетенные по дороге на пирс. — Маме не понравится, если в июне выпадет снег. Ты почти сломала лето!

Джулиан попытался выбить из меня смешок, и ему это почти удалось. Я всхлипнула, но тучи покорно расступились, возвращая солнцу на небо.

— Ты станешь самой молодой Верховной, — произнес брат, и я снова постаралась вырваться, но он бескомпромиссно удержал меня, повернув мое лицо к своему. — Пойми, как тебе повезло! Все мечтают об этом. Ты не останешься одна. Я, Дебора, Маркус, Чейз и другие — мы всегда будем рядом.

— Может, и мама будет тоже? — начала я и договорила раньше, чем Джулиан, тяжело вздохнув, успел бы разбить в прах все мои грезы: — Может быть, дар исцеления... Он ведь лечит все, разве не так? Помнишь, как мама вылечила бесплодие Моники?.. А катаракту Нины? А запущенную стадию энцефалита добермана Пикуля...

— Одри... — Джулиан поморщился, и я знала, что он совсем не хочет говорить то, что должен сказать. — У мамы метастазы по всему телу. Она ведь объясняла тебе, что уже исцелялась... Прошло три года, а рак все не останавливается. Мама слишком стара. Магия — это своеобразное озеро: она имеет свойство иссушаться. Рано или поздно Верховная увядает — и это нормально. Тогда на ее место приходит следующая...

— Может, это и не рак вовсе? — продолжала упрямо я. — Может, это проклятие или... У ковена ведь есть враги, да? Чего стоит одна Аврора Эдлер! Ох, если бы мама сообщила нам раньше, а не ждала столько лет, страдая в одино-

честве... Мы бы точно во всем разобрались. Но у нас еще есть время, Джулс!

— Одри!

Брат резко выпустил меня и зажмурился, ударив сжатыми кулаками по земле и подняв в воздух облако из песка и пыли.

Это облако, став огромным, зависло над нашими головами, как одна из призванных мною раньше туч. Стена из песка мерцала, как Млечный Путь, и это было бы красиво, если бы телекинез Джулиана не был таким устрашающе мощным, когда его эмоции выходили из-под контроля.

Я потянулась вперед, и настал мой черед обнимать брата.

— Я люблю маму, — сказал он с надрывом, и я, ни разу не видевшая Джулиана плачущим, вдруг поняла, что именно так звучат его слезы — дребезг стекла разбитого сердца. — Но ей двести лет, Одри. Никто не может жить вечно.

Облако песка замерцало вновь, а затем обрушилось, осыпаясь на наши волосы и одежду. Джулиан открыл глаза.

— Мы — ковен, Одри. Нет ничего, с чем мы бы не смогли справиться. А еще... — Джулиан сунул руку в карман штанов и, порывшись в нем, достал длинное воронье перо с металлическим наконечником. — Повернись.

Сил, чтобы спорить, у меня не нашлось. Я послушно села, вытянув разутые ноги к кромке воды, и почувствовала, как брат задирает край моего свитера. По голой спине пробежал теплый бриз, а затем — холодное и острое перо, рисующее что-то, разливающееся умиротворяющей истомой по телу.

— Мама подарила тебе свой жемчуг, — произнес Джулиан, старательно выводя узор между моими лопатками. — А я решил подарить тебе эскиз.

— Эскиз?

— Для нашей будущей татуировки. Ты ведь не передумала отправиться в тату-салон в день совершеннолетия?

Я сдавленно хихикнула в рукав свитера, заглушая печаль.

— Только не говори, что ты заколдовал перо... Рэйчел убьет нас.

Джулиан усмехнулся, спрятав голову под моим свитером и сосредоточенно мыча за работой.

— Да это просто черная хна. Смоется к концу недели. Надеюсь, тебе понравится... Готова узреть шедевр?

Сказав мне не опускать свитер еще минимум десять минут, чтобы краска успела высохнуть, Джулиан накрыл ладонью мой затылок. Вместе с той неуместной нежностью, что он испытывал ко мне и не мог вытолкнуть из своих мыслей даже во время сеанса телепатии, меня прошило потоком его сознания, а затем — пришло видение. Я буквально смотрела его глазами на собственную обнаженную спину с торчащими лопатками, между которыми был выведен ровный круг с витиеватыми лучами — ацтекское солнце, разделенное пополам прямой линией.

— Хм, правая часть вышла ровнее, — прокомментировала я.

Джулиан рассмеялся, и я почувствовала быстрый поцелуй, опустившийся на мою открытую шею, но задумалась, не померещился ли он мне.

— Да, но вообще-то половины должны были выйти одинаковыми, потому что олицетворяют нас с тобой. Мы ведь тоже одинаковые и неотделимые, верно?

— Разумеется, Джулиан, — улыбнулась я, аккуратно опуская свитер обратно. — Не думаю, что у нас в принципе есть выбор. Ты ведь мой брат-близнец, как может быть иначе?

— Никогда не думала, что скажу это, но... — я вдохнула полной грудью, потягиваясь после пробуждения. — Давай поболтаем о чем-нибудь.

Прошла целая ночь, прежде чем молчание все-таки стало действовать мне на нервы, как и заезженная пластинка песен Бритни Спирс, которую Коул одержимо ставил на повтор снова, снова и снова. Рыжий клубок на моих коленях выпустил острые коготки, разминая лапы на моем драгоценном платье. Я уже давно перестала чувствовать ноги, пока сидела, привалившись боком к окну и выпав из реальности на целых одиннадцать часов.

Теперь же, растирая покрасневшие глаза, я выглянула наружу: на стекле сохли следы дождя, который нам все-таки не удалось обогнать. Покрываясь мандариновыми оттенками рассвета, небо наконец-то посветлело, проглотив тускнеющие звезды.

— Поболтаем? — воодушевился Коул, и я тут же возненавидела себя за это поспешное предложение. — Отлично! Я как раз вспомнил...

— Чур, я первая! — перебила я, перекидывая Штуделя на задние сиденья и разминая спину. — У меня тоже есть вопросы, детектив. Итак, вопрос первый: куда мы так несемся, что едем всю ночь без перерыва? Вопрос второй: как ты до сих пор не угробил нас, бодрствуя больше суток и даже не зевая? На каких колесах ты сидишь?

— Это уже три вопроса, — заметил Коул, жуя губы, которым бы точно не повредил увлажняющий бальзам. — А что не так с колесами? Это же «Форд Рейнджер».

Я открыла рот, но так ничего и не сказала, смирившись, что у косноязычного Коула Гастингса колоссальные проблемы с метафорами и жаргонизмами.

— Ладно, проехали. А что насчет ночлега? — я проводила тоскливым взглядом удаляющуюся вывеску, обещающую в паре миль отсюда уютную гостиницу. — Нам бы обоим не помешал отдых. Да и душ тоже...

В машине пахло очень приятно, в частности из открытого термоса, наполненного крепким черным чаем. Штаны Коула были усыпаны жареной картошкой: он жевал ее, пока

вел машину, умудряясь при этом не врезаться в какой-нибудь столб. Кончики его пальцев еще блестели от соли, как и усы Штруделя, которого он тоже угостил. Теперь вопросы к необъятному весу кота отпали сами собой.

— Пару дней назад кто-то украл у меня две тысячи долларов, — напомнил Коул, не смотревший на меня, кажется, с первой минуты нашего путешествия. — Это означает, что у меня нет денег даже на номер в гостинице, и, смею предположить, у тебя их тоже нет. Зато к утру будем уже в городе! Как удачно, что по долгу службы я давно обзавелся хронической бессонницей.

Я сняла фетровую шляпу, распуская волосы, и задрала ноги на бардачок. Коул неодобрительно покосился, но промолчал. В конце концов, едва ли я могла навести в машине больше грязи, чем здесь уже было.

— Теперь я, — спохватился Коул, убавляя громкость на магнитоле до минимума. — Почему ты постоянно выбираешь огонь?

Мои ноги соскользнули с панели обратно вниз.

— А почему ты любишь Бритни Спирс? — съязвила я в ответ.

— Нет-нет, сейчас мой черед спрашивать...

— Тогда поясни.

— Вокруг тебя вечно приходится все тушить, — сказал Коул, буравя взглядом пустое шоссе. — Я немного побродил по Новому Орлеану после того, как узнал, что ты сбежала из участка. Оказывается, в тот же вечер сгорела кухня в кафе, где я дважды завтракал...

— Фу, ты там завтракал? Ужасно безвкусная забегаловка!

— А поблизости неожиданно воспламенился комиссионный магазин. Его давно продали с молотка на аукционе и забросили, но все же... Стажеру-полицейскому, кстати, ты тоже внушила, что все вот-вот сгорит. У тебя пиროмания?

— Нет, — заартачилась я, но быстро сдалась: — То есть да. Огонь дарит тепло, а тепло все любят.

— Сжечь людей заживо — не лучший способ подарить им тепло.

Я вздохнула.

— Стихия огня — самая простая для вызова. Достаточно очень сильно разозлиться.

— Разозлиться? — переспросил Коул.

— В каждой эмоции, что мы испытываем, можно найти отголосок природы. Магия заключена в наших чувствах, — объяснила я. — Водой проще всего управлять, когда ты испытываешь грусть, а воздухом — когда веселишься. Земля же — это умиротворение, спокойствие. Огонь — ярость.

— Как же много в тебе ярости!

Я вопросительно посмотрела на Коула, приняв это за нелепую попытку сосречь, но он остался серьезным. Тогда я фыркнула, но на языке вертелась слова, которые я очень постаралась не прокричать ему в лицо: «Да, ты прав. Я постоянно зла, и это сводит меня с ума».

— А как обстоят дела с остальными стихиями? — продолжил интересоваться Коул, стуча пальцами по рулю. — Ты не похожа на человека, который умеет радоваться. Полагаю, стихия воздуха тебе вообще незнакома?

А вот это уже была шутка, пускай голос Коула и оставался таким же бесцветным, как всегда. Это не помешало мне оценить замечание и криво улыбнуться, испытыв даже толику гордости за его чувство юмора, прорезающееся, как зубки у ребенка.

— Незнакома, — призналась я. — Как и земля. Я умею использовать лишь воду и огонь. Остальному не было времени научиться.

— А чему еще может научиться ведьма? Гаданиям, например?

— Гадания не считаются за способность, иначе ты бы уже давно был ведьмой, — ухмыльнулась я. — Гадания — это

инструмент. Они доступны каждому, кто умеет прислушиваться к себе и знамениям вокруг. Точно так же дела обстоят и с зельями, и с вызовом демонов или духов... Истинная же магия являет себя в восьми дарах. Я пока владею тремя.

— Расскажи.

Обреченная, я примерила на себя роль Рэйчел, которой в свое время пришлось вытерпеть немало моих дотошных расспросов.

— Восемь направлений по градации от простого и распространенного к сложному и редкому. — И, принявшись загибать пальцы, я перечислила на одном дыхании, словно буквы алфавита: — *Стихии*, включающие в себя четыре элемента. *Метаморфоз* — трансформация окружающей материи или своей собственной. *Психокинез*, который можно развить до навыка телепортации. *Ментальность* — иллюзии, внушение или телепатия. *Прорицание*, которое чаще всего приходит в форме вещих снов. *Некромантия*, позволяющая общаться с душами умерших. *Исцеление* — как регенерация, так и врачевание. Последним является *сотворение* — написание заклинаний или ритуалов.

— И что именно из этого умеешь ты?

— Я освоила ментальность, но не на все ее проявления мне хватает сил. Стихии, как ты уже понял, я тоже контролирую не до конца. С блеском мне дается только метаморфоз, это да, но вот какой-нибудь рысью я становиться еще не пробовала, — начала задумчиво перебирать я, невольно катая между пальцами жемчужины ожерелья, прячущегося под шарфом. Заметив озадаченное лицо Коула, я усмехнулась. — Метаморфоз, если освоить его в совершенстве, предполагает оборотничество.

Мне вдруг понравилось делиться чем-то, что прежде я принимала за обыденность. Оказывается, очевидное для меня может звучать крайне дико для другого. Я все больше убеждалась в феноменальной разнице между мной и Коулом по мере того, как яснее читалось удивление на его лице.

— Каждая ведьма рождается со склонностью к одному или нескольким дарам, — продолжила я. — Задатки начинают проявляться еще в детстве. Если у ведьмы, например, склонность к одной лишь ментальности, другие дары для нее недоступны. Ей придется обратиться за помощью к более способным ведьмам или колдовать вместе с ковенном. Конечно, есть и «серые» практики, общие, которые не привязаны ни к одному из даров, а потому использовать их может каждый...

— Постой, — Коул немного притормозил, и я почувствовала что-то опасное, чем мог для меня обернуться его детективный талант. — А почему ведьма не может освоить все восемь даров сразу? Ты же сказала, что владеешь *пока* лишь тремя из них. Значит, ты намерена изучать и остальные, нет?

Я замолчала, прикусив язык, пока не почувствовала медного привкуса во рту, в наказание за болтливость, и уклончиво ответила:

— Только Верховной — ведьме, что стоит над другими ведьмами — по зубам овладеть всеми восемью направлениями. У среднестатистических ведьм способностей хватает на изучение двух или трех. Максимум — четыре при должном старании. Дар сотворения же и вовсе табу.

— Почему?

— Для того чтобы создавать новые порядки в магии, нужно быть ее источником, а источник — это Верховные. Считается, что это и делает их не только всесильными, но в некотором роде и бессмертными — они навечно будут жить в том, что оставят в память о себе в гримуаре — Книге заклинаний. Такая имеется у каждого ковена со дня его основания. Каждый гримуар уникален, как и каждая Верховная, которая пополняет его новыми заклинаниями на протяжении жизни.

Коул благодарно кивнул и снова сосредоточился на дороге, но ставить на повтор трек Бритни Спирс, благо, не спе-

шил. Похоже, я подкинула ему пищу для раздумий, потому что он затих. В повисшей тишине можно было слышать сопение Штруделя, задушенного своими складочками жира.

— Верховные ведьмы, — заговорил Коул через какое-то время, когда свежие знания улеглись и жажда расспросить о чем-нибудь еще вернулась с удвоенной силой. — Кто они?

— Наследницы по крови. Чаще всего одна из дочерей, но, если Верховная остается бездетной, это может быть ее племянница или кузина.

— Верховной может стать только женщина?

— Как правило, да. Мужчины среди Верховных встречаются редко. Ни один колдун не способен превзойти ведьму. Природа магии — природа женская. Хоть где-то гендерное преимущество испокон веков остается за нами, — повеселела я.

— А если вернуться к теме о дарах... — Коул вдруг занялся. — Ты, случайно, не настроена освоить что-нибудь еще? Что-нибудь новенькое... Вдруг все-таки получится. Мне бы пригодилась знакомая некромантка.

Я почуяла подвох, молча дожидаясь каких-то подробностей, и наконец махнула рукой, чтобы Коул объяснил свои странные пожелания.

— Ну, я просто подумал, что некромантия — очень полезная штука, — начал он издали. — Если бы можно было пообщаться с душами убитых жертв, это бы сильно продвинуло меня в том деле, с которым я к тебе обратился...

— Я, кстати, не отказалась бы узнать подробности этого дела.

— Позже, — категорично отрезал Коул и прочистил горло. — Так ты могла бы научиться некромантии для меня?

— Это займет годы. К тому же меня нет гримуара, — пожалала я плечами, впервые испытав от этого облегчение. — И нет того, кто был бы знаком с некромантией. Мне попросту не у кого учиться. Ковены не обучают чужаков.

— Но у тебя ведь когда-то был свой ковен... Да?

Я напряглась.

— Нельзя обратиться к нему? — и, по моему взгляду поняв, что нельзя, Коул стушевался. — Ну, а к кому-то другому? Неужели у тебя совсем нет друзей?

— Угадай! Я одна по стране катаюсь не забавы ради, — огрызнулась я, испытав то пограничное состояние между гневом и болью, от которого всегда повышалась температура тела, но опасное не для меня, а для окружающих. — У меня никого нет, Коул. Никого.

Я не хотела говорить об этом. Хотя у Коула совсем не было чувства такта, в этот раз он справился с блеском: деликатно оставил свой допрос с пристрастием и отхлебнул немного крепкого чая из термосной крышки, предложив и мне.

Я сделала глоток, наслаждаясь терпким чабрецом.

— Спасибо за пальто.

Коул удивленно взглянул на меня, и я улыбнулась, демонстративно поправляя растянутые рукава, в которые часто прятала руки, чтобы согреться. Непомерно длинное, но наверняка приходящееся Коулу как раз впору, пальто вдруг обрело для меня значение гораздо большее, чем я хотела бы признавать. Доброта. Милосердие. Забота. Когда до встречи с Коулом я сталкивалась с чем-либо подобным в последний раз?

Он покачал головой, пряча от меня изгиб рта, похожий на ответную улыбку.

— Ты была мокрой до нитки и напомнила мне Штруделя, когда я вытащил его из подвала котенком. Оставь пальто себе. — И, замолчав надолго, так что я решила снова заснуть, Коул вдруг прошептал: — Родители умерли, когда мне было четыре.

Эта фраза должна была прозвучать тоскливо и горько, но прозвучала... понимающе. Мы с Коулом переглянулись и замолчали. Он сосредоточился на дороге и приторном чае, от пары кружек которого мог запросто развиваться сахарный

диабет, а я — дремала, внезапно осознав, что за всю дорогу ни разу не подумала о брате и том ужасе, что душил меня в течение пяти лет, а теперь вдруг ослаб.

— Я могу повести, если хочешь, — предложила я, не доверяя неизменной бодрости Коула.

— Нет, не хочу. За те две минуты, что ты провела за рулем моей машины, ты успела протаранить чужой фургон.

— С кем не бывает, — цокнула языком я. — Сунуть несколько баксов под дворники — и нет проблем!

— Я и сунул, — парировал Коул раздраженно. — И не «несколько», а восемьдесят. После таких трат я принципиально тебя за руль не пущу!

Справедливо.

— Следующая остановка Бёрлингтон! — объявил он спустя несколько часов после того, как мы перекусили хот-догами на обочине, а песня «*Oops!... I Did It Again*», стоящая у Коула на повторе, была выучена мной наизусть.

Отражая солнечный свет, его глаза приобрели медовый оттенок и полыхали, напоминая мне о крыльях огненных фениксов из детских сказок. Возрождение и бесконечность — такое же волшебство я чувствовала в Коуле, беззастенчиво любуясь им все время, пока впереди не замаячили вершины Зеленых гор.

Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь, как от приступа астмы. Холод вод, накатывающий в ознобе и уносящий тревоги прочь. Глубина, где до дна не добраться, даже нырнув с аквалангом. Первобытная необузданная лазурь. Магия, которую источало озеро Шамплейн и которая захлестнула меня, будто я окунулась в него с головой.

Моя семья решила поселиться здесь неспроста: каждый ковен располагается на пересечении лей-линий или природной аномалии. Такие места нельзя подчинить, но им можно подчиниться. В обмен на послушание оно отдаст тебе себя целиком — силу, потерю которой ты осязашь каждой клеточкой своего тела, если отдалиться слишком далеко от

родного края. Ведьма нигде не чувствует себя лучше, чем там, где родилась.

От вод, в которых родилась.

— Все в порядке? — осторожно спросил Коул, когда я почти перелезла на бардачок, высматривая впереди озеро.

— Ага, — промычала я, с трудом успокаивая сердцебиение, усиливающееся по мере того, как мы приближались к городу. — А ты живешь прямо возле Шамплейн, верно?

Коул свернул на светофоре, петляя меж узкими улочками, заставленными скамьями и фонтанами.

— Да, практически на побережье.

— Значит, осталось две мили, — простонала я облегченно. — Прекрасно! Ноги совсем затекли.

Он взглянул на меня, нахмурившись.

— Ты уже бывала здесь?

— Нет. Это... Ведьмовской компас включился, не парься. Чую, что нам направо.

Коул восхищенно хмыкнул и действительно свернул вправо.

Мы проехали пару кварталов, в просвете между которыми я разглядела широкую пешеходную улицу, вдоль которой простирались сувенирные магазинчики и пекарни.

— Это Чёрч-стрит, — заговорил Коул, заметив, в какую сторону повернулась моя голова. — Здесь летом всегда полно туристов, особенно в период фестивалей. Хорошо, что городское авиашоу кончилось вчера. Обычно мне приходится всю неделю спать, зажимая голову под подушкой. Кстати, об этом... Я люто ненавижу шум!

— Значит, тебе снова не повезло, — ухмыльнулась я и постучала по футляру со скрипкой, поверх которого спал Штрудель.

Коул вздохнул.

— Ну, это хотя бы не барабан.

Мы проехали центральную площадь, и я залюбовалась высокой часовой башней, отбрасывающей тень на примо-

стившуюся рядом церквушку. Из-за нескончаемых путешествий я, привыкшая к крупным городам, чувствовала себя неуютно вне окружения стеклянных высоток и башен. А пока мы с Коулом объезжали город, нам не встретилось ни одной такой: все постройки умещались максимум в пять этажей.

— Господи! — воскликнула я испуганно. — Кажется, я в Твин Пиксе¹.

— Бёрлингтон — крупнейший город штата Вермонт, — оскорбился Коул.

— Ты ведь в курсе, что Вермонт — самый крошечный штат США? Так что по его меркам Бёрлингтон несомненно целый Нью-Йорк! Но вообще-то...

Коул нахохлился, сжав руль. Интересно, сколько мы сможем прожить вместе, не убив друг друга?

— Неподалеку главный университет штата, — сменил тему он, отвлекшись на группу ушлых юнцов, переходящих дорогу в неполюженном месте наперерез нашему джипу. — По выходным все бары забиты студентами. Большинство из них регулярно попадает в участок за потасовки или мелкие кражи, так что ты быстро вольешься.

Настал мой черед оскорбляться.

— Обещаю, если мне вдруг приспичит что-то украсть, я сделаю это так, что из нас двоих заподозрят сначала тебя, — буркнула я.

Штрудель за моей спиной многозначительно мякнул, и Коул снова изобразил что-то, отдаленно напоминающее веселье.

— Эй! Я могу принять любой облик, если захочу... Ладно, чтобы удерживать его больше двух минут, нужна недюжинная сноровка, — капитулировала я. — Это так же сложно, как стоять на руках. А ты когда-нибудь пробовал не

¹ Твин Пикс — захолустный паранормальный город в одноименном американском телесериале. (Здесь и далее прим. автора.)

только стоять на руках, но еще и пройтись на них по торговому центру? Вот-вот!

Коул скептически сощурился.

— Что-то мне подсказывает, ты просто...

— Не самая одаренная ведьма? — догадалась я, отвернувшись. — Да, знаю.

— Не самая опытная, — поправил меня Коул без промедления. — Пока что. Всему свое время.

Спустя милю наша машина припарковалась у кирпичного дома. Распахнув дверцу, я тут же окунулась в озерный вихрь, подхвативший и едва не унесший мою фетровую шляпку. С упоением втянув в себя знакомый воздух, пропитанный запахом мокрой древесины, я уже свесила из машины ноги, когда Коул вызывающе кашлянул.

Я закатила глаза, оборачиваясь.

— Что еще?

— Больше никаких пожаров, Одри, — предупредил он строго, заглушив мотор и сложив руки на руле. — Бёрлингтону и так в последнее время тяжело приходится. Договорились?

Я примирительно кивнула, едва удержавшись, чтобы не сказать, что без пожаров в такой унылой дыре будет слишком скучно. Коул перетащил через спящего Штруделя мои вещи и двинулся к багажнику.

Раз пирог. Два пирога. Три пирога...

Двадцать яблочных пирогов.

— Ты совсем не готовишь дома, да? — спросила я, наблюдая, как Коул волочит по лестнице коробки, доставая на ходу ключи. — У тебя что, аллергия на нормальную пищу?

Но истина оказалась куда прозаичнее.

— Я не умею готовить.

— И следить за своим желудком, видимо, тоже.

— Штрудель любит яблоки...

— Ты пирогом и кота кормишь?!

— Мы регулярно посещаем ветеринара! Все, перестань, не тебе нотации мне читать.

Я закатила глаза и помогла ему открыть дверь. Таща коробки с пирогами, мы ввалились внутрь. Между ног юркнул Штрудель, устремившись на свою лежанку у фикуса. Пока Коул пытался уместить все коробки в холодильник и заносил вещи, я скинула рюкзак на диван в гостиной и принялась осматриваться.

Это было...

— Вау, — вырвалось у меня уже не в первый раз после знакомства с Коулом.

Его квартира располагалась на последнем этаже, отчего крыша в некоторых местах наклонялась, срезая часть пространства. Это придавало особый шарм и ванной комнате, выложенной коралловой плиткой, и спальне, раскрашенной в черно-белые тона, будто комната из нуарного детектива. Над гигантской кроватью крепился проектор, а над рабочим столом Коула — экранное полотно. Слева, загораживая проход на балкон, стоял книжный шкаф и пробковая доска, пестрящая документальными сводками, вырезками из газет и желтыми стикерами. Картин у Коула тоже была масса: развешенные по всем стенам от кухни до туалета, они варьировались от классического натюрморта до современного ар-деко. Несмотря на это гамма цветов в квартире ограничивалась сочетанием древесно-черного с васильковым или зеленым. Ничего не резало глаз и не казалось лишним — полная гармония минимализма. Атмосфера абсолютной чистоты и порядка, которую Коул, судя по всему, педантично соблюдал везде, кроме своей машины.

Я выглянула в окно, раздвинув жалюзи, и увидела голубой залив: на него выходили все комнаты в квартире. Куда ни посмотри — озеро Шамплейн; куда ни посмотри — мое прошлое.

Я почувствовала покалывание магии и прикрыла глаза в эйфории. Моя неуверенность в себе испарилась по щелчку пальцев, как испарился и страх — вот чего мне не хватало,

чтобы наконец-то позволить себе стать Верховной. Мне не хватало моего дома.

— Знаешь, Коул, — улыбнулась я, замороженная и почти признавшая мысль, что готова свершить свое предназначение. — Возможно, я бы смогла попробовать некромантию, если только...

Мой голос заглушил храп. Не успев разуться и снять куртку, обессиленный Коул распластался на диване. Он буквально потерял сознание от недосыпа, чудом упав лицом в подушки, а не на пол. Счастливчик.

— «Располагайся, Одри, — сказала я, подражая его голосу. — Чувствуй себя как дома!»

Я закрыла распахнутую настежь входную дверь и, убедившись, что все упаковки с яблочными пирогами утрамбованы в морозилке, предпочла закрыть ее, в надежде больше не открывать, чтобы все это лавиной не хлынуло наружу. Не без усилий вытянув рюкзак из-под Коула, я порылась в своей одежде и по-хозяйски закинула в стиральную машину все грязное, найдя свежим лишь изумрудный кашемировый свитер и кожаные брюки из чикагского массмаркета.

Пенная ванна с шоколадной бомбочкой — однозначно самая роскошная компенсация, какая только может быть после того, как тебя пытались убить.

Я плескалась в пузырящейся мыльной воде почти полтора часа, вытянув ноги на мраморный бортик и попивая вишневым соком за неимением вина. В поисках его я перевернула вверх дном всю квартиру, но нашла только несколько любопытных фотокарточек. На одной из них стоял маленький Коул в полосатом свитере, а рядом с ним — мальчик в такой же одежде, но повыше ростом. В том же шкафчике, где отыскался полупустой фотоальбом, лежал и блокнот с заметками, обложка на котором заметно поистрепалась.

Лениво перелистывая страницы со списками продуктов и напоминаниями забрать вещи из химчистки, в какой-то

момент я дошла до того, от чего вишневым сок пошел у меня носом.

— «Отсутствие глазных яблок у жертв», — прочитала я вслух, и даже горячая вода не спасла меня от озноба. — «Оторван язык. Отрублены фаланги пальцев. Предположительное оружие?»

Я остановилась на знаке вопроса, поставленном напротив записей, а затем перелистнула страницу и увидела еще штук двадцать таких же — в углах страниц, на полях, прямо между слов и вместо знаков препинания.

«Не установлено, не установлено, не установлено».

— Дакота Пирс, девятнадцать лет, — поехала, читая. — Эрик Нортмунд, двадцать шесть лет. Карла Сантьяго... Четырнадцать лет! Боже!

Я захлопнула блокнот, не в состоянии осилить следующую запись, написанную красной ручкой и подчеркнутую. Ощувив прилив дурноты, я швырнула заметки на раковину и погрузилась в воду с головой.

И зачем я подписалась на это?

Я выбралась из ванны, покачиваясь, и быстро оделась. Задержавшись перед зеркалом, я провела рукой по запотевшей поверхности, чтобы увидеть собственное лицо, раздурманенное и освеженное, без единой родинки или веснушки. Шрам — длинный, серповидный и потускневший — огибал руку ниже локтя и вызывал желание вновь спрятать его под кофтой. Я ощупала лиловое кольцо синяка на заживающем виске. Рэйчел долгие годы запрещала мне краситься в белый, аргументируя это тем, что тогда я буду похожа не на ведьму, а на привидение — светлая кожа сольется с волосами. Однако я все равно сделала это. В обрамлении пепельных локонов, блее которых был разве что снег, серые глаза с кошачьим разрезом выглядели необыкновенно большими — и смотрели с выражением неистребимого испуга, которое мне так хотелось стереть.

Порывшись в ящиках и отыскав ножницы, я подстригла отросшие до лопаток волосы так, что те едва стали доходить до подбородка.

Каждая встреча с братом — новый имидж. Каждая трагедия — опять новый имидж. Чтобы прятаться, не прибегая к закланиям, и чтобы не вспоминать. Решив, что в этот раз одной короткой стрижки недостаточно, я задумалась над утомившим меня цветом.

Клубничная блондинка?.. Нет, походить на легкомысленную барышню я сейчас могла только мечтать. Атомно-бирюзовые волосы делали из меня бунтующего подростка. Рыжие — шаблонную ведьму из мультфильмов Хаяо Миядзаки. Черные? Хм, уже было...

— И снова здравствуй, Одри Дефо, — приветствовала я себя, поведя рукой перед зеркалом и возвращая волосам родной и холодный темно-русый цвет. — Я скучала по тебе, девочка.

Видеть себя настоящую — значит признать, кто ты есть на самом деле. Я уже на шаг ближе к этому.

Из гостиной донесся грохот, и, предположив, что Коул упал с дивана, я быстро смела состриженные локоны в корзину для мусора и убрала другие улики, расставив по местам гели для душа.

— Ты что, уже выспался? — удивилась я, выжимая мокрые волосы махровым полотенцем. — Всего три часа прошло.

Коул сидел на полу и апатично озирался по сторонам. Он помолчал еще несколько мгновений, заняв вечно беспокойные руки пледом, то сминая его, то разглаживая.

— Я приучил свой организм к двухфазовому циклу сна, — наконец заговорил Коул и встряхнул спутанными волосами. — Четыре часа ночью и пара часов днем. А ты как? Отдохнула?

Коул перетащил на колени свой неразобранный чемодан и, принявшись перебирать аккуратные стопки простеньких

